

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛАКОМОВА Дарья Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

Стилистическая роль пословицы в транснациональной прозе чешских писателей М. Кундеры и Й. Шкворецкого

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5831.2019 «Славянские языки и литературы»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра славянской филологии,
Котова Марина Юрьевна

Рецензент:
профессор, ФГБОУВО
«Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет»,
Бразговская Елена Евгеньевна

Санкт-Петербург
2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Исследование транснациональной прозы в рамках паремиологии	8
1. Паремиология.....	8
1.1. Пословица как языковая единица	9
1.2. Функционирование пословиц в современном языке и речи	12
1.3. Понятие нормы в паремиологии и вариантность пословиц	14
1.4. Пословичные трансформации.....	16
2. Транснациональная проза.	19
2.1. Язык транснациональных романов Кундеры и Шкворецкого	21
Выводы к главе I.....	25
Глава II. Паремии в транснациональном романе Милана Кундеры.....	27
1. Контекст появления романа «Бессмертие».....	27
2. Принадлежность романа к национальным литературам	28
3. Пословицы в тексте романа «Бессмертие»	32
3.1. Отбор пословиц для анализа.....	33
3.2. Простые приёмы трансформации	34
3.3. Сложные приёмы трансформации	42
Выводы к главе II	44
Глава III. Паремии в романе Й. Шкворецкого «История инженера человеческих душ».....	47
1. Йозеф Шкворецкий как транснациональный автор.....	47
2. Паремии в тексте романа «История инженера человеческих душ».....	51
2.1. Пословицы на чешском языке.....	52
2.2. Паремии на иностранных языках.....	69

Выводы к главе III.....	75
Заключение	75
Список литературы	80

Введение

Данная работа посвящена исследованию стилистической роли единиц паремиологического уровня языка в чешской транснациональной прозе на материале романов «*Nesmrtelnost*» (Бессмертие, 1987) Милана Кундеры и «*Příběh inženýra lidských duší*» (История инженера человеческих душ, 1977) Йозефа Шкворецкого. В работе рассматриваются пословицы и их компоненты, появляющиеся в текстах романов, с точки зрения их стилеобразующего потенциала, а также сквозь призму вопроса о гибридной национальной идентичности авторов, которая приобретается ими в вынужденной эмиграции.

Вопрос о национальной идентичности лежит на пересечении множества научных дисциплин: истории, социологии, политологии, культурологии, философии, антропологии. Национальная идентичность не является врождённой, и её становление происходит в процессе включения индивида в определённую этническую общность с принятием её исторической памяти, традиций и, конечно, с освоением языка. Лингвистика закономерно продолжает ряд дисциплин, освещающих эту проблематику, в частности, отношения между языком и культурой изучает лингвокультурология. В процессе становления личности и на протяжении всей жизни человек может по тем или иным причинам встраиваться более, чем в одну культурную парадигму, и таким образом он становится носителем гибридной идентичности, т.е. особого типа самосознания, при котором в рамках индивида сочетается более одного культурного кода. Такой тип самосознания предполагает самоидентификацию с элементами различных культурных кодов. Часто причиной такой «гибридизации» национальной идентичности становятся миграционные процессы, в результате которых мигранты включаются в новую культурную и языковую среду.

Одной из значимых в чешской культуре и литературе стала волна эмиграции, последовавшая за событиями так называемой Пражской весны 1968 года. Период истории Чехословакии, предшествовавший связанному с реформами А. Дубчека периоду либерализации, был связан с активным становлением социализма в Чехословацкой республике под началом коммунистической партии. Уже в этот период в культурной жизни существовала определённая несвобода самовыражения, о чём, в частности, Йозеф Шкворецкий писал в своих эссе, где он размышлял о причинах собственной эмиграции. Реформы Дубчека были призваны обеспечить гражданам Чехословакии демократические права, такие как свобода слова, передвижения, ослабление контроля государства в области СМИ. Эти реформы не нашли одобрения в СССР. Сторонники демократизации политики ЧССР выходили на протесты и открыто заявляли о своей позиции, однако, в августе 1968 произошло введение в Прагу войск Организации Варшавского договора с целью подавления манифестаций в стране. После этого произошла отмена реформ, проводимых Дубчеком, и наступил процесс нормализации, направленный на возвращение к прежнему политическому курсу, вновь произошло ужесточение цензуры, начались гонения и преследования противников установившегося режима.

Все эти события стали причиной волны эмиграции из страны. С пресечением свободы слова и из-за участия в протестном движении многие авторы были запрещены к печати в Чехословакии, из-за чего они также были вынуждены покинуть родину. К чешской транснациональной литературе, в частности, принадлежат Павел Когоут, Йиржи Коларж, Милан Кундера, Вера Лингартова, Арношт Лустиг, Йозеф Шкворецкий и др. Творческие пути писателей в эмиграции сложились по-разному: кто-то продолжил писать по-чешски (Когоут, Шкворецкий), кто-то со временем полностью отошёл от творчества на родном языке (Кундера, Лингартова). Несомненно, перемещение в новую культурную и языковую среду привело к

гибридизации идентичности каждого из авторов, что прослеживается не только в мотивах их творчества, но и в самом языке их произведений.

Изучению творчества чешских транснациональных авторов посвящён ряд исследований отечественных и зарубежных филологов, среди которых следует отметить А. Н. Болдыреву, М. Ю. Котову, С. Рихтерову, А. В. Русан, С. А. Шерлаимову и др. Ранее, однако, не предпринимались попытки подробного анализа стилистических особенностей произведений авторов с гибридной идентичностью с позиции паремиологического уровня языка, который был выделен Г. Л. Пермяковым. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена тем, что в настоящее время практически нет работ, применяющих паремиологический подход к рассмотрению особенностей текстов транснационального романа.

Целью настоящей работы является определение стилистической функции пословиц и их элементов в чешском транснациональном романе.

Для достижения обозначенной цели перед нами были поставлены следующие **задачи**:

- Рассмотреть произведения с точки зрения гибридной идентичности авторов;
- Разработать алгоритм поиска паремиологических единиц в текстах романов;
- Обнаружить все случаи употребления пословиц или их компонентов;
- Проанализировать каждое отдельное употребление и определить его стилистическую функцию;
- Систематизировать и вывести закономерности появления тех или иных паремиологических единиц в тексте;
- Сделать выводы о степени влияния родной и воспринятой авторами текстов культуры на выбор языковых средств.

В ходе исследования нами был применён метод дескриптивного анализа, компонентного анализа, а также метод лингвостилистического анализа.

Объектом исследования стали пословицы и их элементы в романах «*Nesmrtelnost*» (Бессмертие, 1987) Милана Кундеры и «*Příběh inženýra lidských duší*» (История инженера человеческих душ, 1977) Йозефа Шкворецкого. Выбор данных романов обусловлен тем, что оба они были написаны в период эмиграции писателей. Роман Кундеры стал переходным в творчестве автора и последним романом на чешском языке, полностью написанным уже во Франции. Роман Шкворецкого был также весь написан в эмиграции, то есть с высокой долей вероятности оба текста могут содержать следы обеих лингвокультур – родной и воспринятой.

С точки зрения перспектив дальнейшего рассмотрения творчества транснациональных авторов в рамках паремиологического подхода, настоящее исследование имеет несколько возможных вариантов своего развития. Во-первых, таким образом можно составить полную картину трансформации национальной самоидентификации каждого автора по отдельности в связи с появлением определённых типов пословиц в их произведениях на разных этапах их творчества. В другой стороны, внимание может быть направлено на прочих представителей чешской транснациональной прозы для более полного понимания того, какие именно языковые стереотипы представители чешской писательской эмиграции забрали с собой, покидая родину.

Глава I. Исследование транснациональной прозы в рамках паремиологии

Данная глава посвящена поиску наиболее исчерпывающего подхода к изучению пословиц, появляющихся в текстах авторов с гибридной национальной идентичностью. Феномен транснациональной прозы будет рассмотрен с точки зрения лингвокультурологии, а также будет приведено обоснование того, почему пословица (или её компонент) является одной из наиболее значимых и важных языковых единиц для лингвокультурологического и стилистического анализа.

1. Паремиология

Паремиология как научная дисциплина является разделом филологии, объектом изучения которой являются паремии – пословицы, поговорки, прибаутки, присловья, загадки и пр. Паремиология сочетает в себе два плана: фольклористический и лингвистический. Фольклористы в рамках паремиологии обращают своё внимание, прежде всего, на малые фольклорные жанры (Котова 2010: с. 3). Фольклористический подход ориентирован на описание и фиксирование народной традиции, в то время как лингвистический подход характеризуется вопросами языкового характера. Паремиологи-лингвисты в качестве объекта изучения избирают исключительно пословицы, которые выводятся исследователями на отдельный языковой уровень – паремиологический.

Относительно термина **паремия** исследователи не приходят к единству толкования. Кто-то вслед за Г. Л. Пермяковым «широко» трактует их как народные изречения, выраженные предложением или несколькими короткими предложениями. В «широком» понимании паремии пословицы соседствуют с прочими уже упомянутыми малыми фольклорными жанрами, объединяясь по критерию закрытости синтаксической структуры (Пермяков 1988: с. 9). В «узком» же понимании паремия употребляется в качестве синонима к термину пословица (Котова 2010: с. 3).

1.1. Пословица как языковая единица

Одним из основополагающих элементов любой национальной культуры, несомненно, можно назвать язык, который использует для коммуникации тот или иной народ. Человек с самого детства в процессе освоения языка, соответственно, становится преемником определённого культурного кода, веками формировавшегося носителями данного языка. Пословицы, являясь неотъемлемыми элементами любой народной культуры, в кратких и ёмких изречениях отражают закономерности различных сторон человеческой жизни. Нередко в обиходной речи термин пословица справедливо заменяется словосочетанием «народная мудрость», что ещё раз подчёркивает именно культурологическую и фольклористическую значимость этого явления. Действительно, изначально интерес к пословицам носил преимущественно фольклористический и этнографический характер, подтверждением чему является богатейшее наследие как отечественной паремииграфии (например, пословичные словари В. И. Даля, И. М. Снегирева, В. П. Жукова и др.), так и зарубежной.

Пословицы и поговорки являются предметом интереса не только фольклористов, этнографов, литературоведов, но и лингвистов, что логично в силу языковой природы этих явлений. Как отмечает В.М. Мокиенко, в прошлом веке на пословицу смотрели преимущественно с точки зрения познания «народного духа», в то время как многие современные исследователи ставят перед собой иные задачи: исследование чисто языковых особенностей пословиц, их функционирования в художественной речи, проблемы перевода пословиц на другие языки. В число современных паремиологических вопросов входит также взаимодействие пословиц с фольклором других народов (Мокиенко 2010б: с. 4).

На данный момент также не существует единого мнения относительно того, как следует трактовать термин «пословица». Более того, в народной речи пословица и поговорка до сих пор замещают друг друга, то есть

носители языка не задумываются о разделении сферы употребления этих двух понятий. Мысль о необходимости такого разграничения впервые высказал чешский писатель, филолог и этнограф Ф.Л. Челаковский в 1837 г. в своей статье «Slovanská přísloví» (Славянские пословицы), призывая собирателей пословиц не смешивать *rouhé přísloví* (настоящие пословицы) и *pořekadla* (поговорки) (Котова 2010: с. 46-47). Того же мнения придерживается В. И. Даль, разводя пословицу и поговорку в предисловии к своему словарю «Пословицы русского народа» (1862). Согласно Далю, пословица – это коротенькая притча, которая «состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения». «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» (Даль 1984: с. 13-14).

Традиции Даля следует В.М. Мокиенко, считая, что пословица, прежде всего, несёт в себе законченную мысль, выражает суждение, в отличие от поговорки, которая выражает понятие. Пословица в предисловии к «Большому словарю русских пословиц» понимается как «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией», в то время как поговорки понимаются как фразеологизмы в узком смысле слова (Мокиенко 2010б: с. 5).

М.Ю. Котова, говоря об употребительных пословицах, приводит ряд признаков, объединяющих пословицу и фразеологизм: относительная устойчивость, воспроизводимость и экспрессивность. При этом относительно пословицы ряд таких характерных черт продолжают закрытость синтаксической структуры и семантическая природа, отличная от лексической и фразеологической. Эти два признака выводят пословицу на

другой уровень языка – паремиологический, существование которого Г.Л. Пермяков обосновал в своих трудах (Котова 2010: с. 18-21). Обратим особое внимание на последнее из свойств пословицы – её семантическую структуру.

Семантическая структура пословицы характеризуется тремя аспектами: денотативным (прямое значение суждения), сигнификативным (иносказательный план) и коннотативным. Среди них главенствующую позицию занимает коннотативный аспект, который отражает обязательные семантические сопроводители сигнификативного плана. Иными словами, коннотативный аспект семантической структуры пословицы отвечает за языковые, культурологические и контекстные ассоциации, которые формируют семантику пословицы как языковой единицы. М.Ю. Котова так же отмечает, что устойчивость коннотативного плана связана с употребительностью пословиц: у неупотребительных пословиц он сугубо индивидуален, в то время как употребительные пословицы обладают устойчивым коннотативным планом, следовательно, имеют общенациональный или даже интернациональный характер (Котова 2010: 21-22).

Употребительность пословицы обусловлена тем, насколько часто та или иная пословица появляется в узусе. Природа пословицы такова, что если устойчивое выражение отсутствует в словарном запасе носителя языка, то невозможным становится и присуждение пословичного статуса данному изречению. Соответственно, актуализация пословицы в речи (устной или письменной) – необходимое условие для поддержания жизни пословицы в национальном сознании. Г.Л. Пермяков ввёл понятие «общезнаемости», являющееся одним из признаков живых пословиц, их коннотацией. Она необходима для поддержания экспрессивности пословицы и её коммуникативной функции, а также создаёт условия для актуализации пословицы (в том числе в широком международном культурологическом контексте). Кроме «общезнаемости» в число постоянных пословичных

коннотаций входят дидактичность, афористичность и функциональная тождественность крылатым словам и цитатам (Котова 2010: с. 21-23). Развивая тему употребительности пословицы, мы неизбежно приходим к вопросу о том, каким образом и с какими целями пословица реализуется в речи.

1.2. Функционирование пословиц в современном языке и речи

Одной из актуальных проблем современной паремиологии является функционирование пословиц в языке и речи. Пословица является востребованным языковым средством при написании текстов различного типа благодаря множеству художественно-эстетических свойств, заданных речевым характером паремий (Мокиенко 2010а: с. 11). Результаты социолингвистических исследований, проведённых в конце прошлого века (Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлером на материале чешских пословиц, М.Ю. Котовой на материале белорусских, болгарских, польских, сербских, словацких и чешских пословиц), показывают, что в реальном речевом узусе пословицы остаются достаточно активной частью живого дискурса. Ф. Чермак подверг анализу пословицы в национальном корпусе чешского языка, и также пришёл к выводу об активном использовании пословиц в текстах разных типов (Čermak, 2003).

Частотность использования пословиц в речи варьируется в зависимости от каждого конкретного индивида, при этом всякий случай употребления пословицы в речи (устной или письменной) сопровождается рядом ожидаемых особенностей восприятия со стороны реципиента, потому как пословица не является стилистически-нейтральной единицей языка. Исследователи считают, что экспрессия в пословице обусловлена лаконизмом и наличием образа. Т.А. Наймушина, вслед за В. М. Мокиенко, пишет о том, что главным источником экспрессии в пословицах является семантическая двуплановость выражения – совмещение в пословице прямого и переносного значения (Наймушина 1984: с. 34). Пословица, при наличии у

реципиента необходимых ассоциаций с определёнными культурными стереотипами, неизбежно привлекает к себе внимание, придаёт высказыванию живость, вовлекает читателя или слушателя в текст.

Пословица является одним из излюбленных стилистических средств в текстах публицистических жанров (в том числе в рекламе). В своей монографии, посвящённой нормативности и вариантности чешских и словацких пословиц, О.С. Сергиенко выявляет ряд функций, которые паремиологические единицы выполняют в журналистском и рекламном дискурсе. Пословицы привлекают внимание аудитории, являются средством воздействия на читателя, обладают экономичностью языковых средств (пословица – знак ситуации), являются инструментом познания и понимания текста, стимулируют фантазию читательской аудитории, подтверждают истинность высказывания, являются инструментом запоминания, позволяют ярко и в игровой форме преподнести непривлекательную тему или продукт. Также одной из интереснейших с точки зрения лингвокультурологии функций является не только апелляция к культурному стереотипу, но и его разрушение в случае трансформации паремиологической единицы в тексте (Сергиенко 2015: с. 78).

Специфика художественной литературы заключается, прежде всего, в том, что главная функция художественного текста – эстетическая (поэтическая). Выбор автора в пользу тех или иных языковых средств на всех языковых уровнях (вплоть до особой передачи фонетических особенностей) зачастую оказывается неслучайным. По словам Т.А. Наймушиной, посвятившей свою кандидатскую диссертацию функционированию пословиц и поговорок в художественном тексте, появление пословицы в таком тексте обязательно стилистически обусловлено, потому что она обладает экспрессивными, эмоциональными и оценочными свойствами. Такой стилистический потенциал объясняется тем, что паремии по своей сути являются единицами вторичного обозначения того, что возможно выразить

при помощи уже существующих языковых средств. По заключению исследовательницы, преобразования в семантике прямого плана выражения (трансформации) приводят к изменению и стилистического значения, так как переносное значение пословицы базируется на прямом значении её компонентов. Важным для нашего исследования также является вывод Наймушиной о том, что стилистический эффект от пословичной трансформации прямо пропорционален степени отклонения от нормы. В качестве наиболее экспрессивных полагаются трансформационные приёмы, основанные на намеренном обыгрывании значения или сильном разрушении исходной формы: редукция, экспликация, аллюзия и др. (Наймушина, 1984).

1.3. Понятие нормы в паремиологии и вариантность пословиц

Вопрос о паремиологической норме является одним из наименее изученных. Для установления нормы на паремиологическом уровне языка теоретические основы ещё не созданы. Однако, при определении нормативности паремии существенны следующие критерии, относящиеся к определению нормативности лексических языковых единиц: употребительность, моделируемость, распространённость, раздельнооформленность, воспроизводимость (Котова 2010: с. 23).

М.Ю. Котова утверждает, что важное место рядом с вопросом о паремиологической норме, занимает теория паремиологического минимума, выдвинутая в 1970-х годах профессором Г.Л. Пермяковым. Теория воплотилась в виде списка русских паремий (паремиологического минимума), состоящего из 500 наиболее употребительных пословиц и афоризмов русского языка, которые были выявлены и отобраны в процессе длительного многоступенчатого социолингвистического эксперимента. Впоследствии этот список русских паремий стал основой для составления словарей общеупотребительных, следовательно, для русского языка нормативных пословиц (русско-болгарский словарь С. Влахова, русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) М.Ю.

Котовой). Теория паремиологического минимума также во многом вдохновила социолингвистический эксперимент исследователей Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера на материале чешского языка с привлечением 19 информантов-носителей, результатом которого стал список пословиц, составляющий паремиологический минимум чешского языка. По сути, теория паремиологического минимума формирует понятие нормы на паремиологическом уровне языка (Котова 2010: с. 25-27).

Г.Л. Пермяков отмечает, что для пословиц характерно постоянство облика, они представляют собой клише (Пермяков 1988: с. 15). Иными словами, в речи пословица реализуется в качестве устойчивой языковой единицы с постоянной синтаксической структурой и лексическим составом, она легко воспроизводится и считывается носителями одного и того же языка, следовательно, и культурного кода. Однако, в действительности редко оказывается так, что пословица воспроизводится носителями одного и того же языка идентично, в сознании носителей языка при сохранении клишированности пословице присуща вариативность, что для паремиологического фонда является нормой. В.П. Жуков обозначил в предисловии к «Словарю русских пословиц и поговорок» (2000) критерии, по которым возможно отличить народный вариант от авторского преобразования, а также привёл типологию пословичных вариантов: лексические, формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные. Видоизменения могут происходить как в лексическом составе в рамках нормативной синтаксической конструкции, так и в составе самой синтаксической конструкции. Важно, однако, то, что смысловое содержание пословицы при таких изменениях остаётся прежним. Индивидуально-авторские преобразования определяются как видоизменения, ведущие к изменению общепринятого смысла пословицы. Такими преобразованиями являются, например, замена одного или нескольких слов в составе пословицы не синонимами или изменение грамматической формы одного из

компонентов таким образом, что пословица в результате получает единичное значение. Также Жуков говорит о факультативных компонентах, которые могут быть опущены без смысловых потерь (Жуков: с. 18-20).

В.М. Мокиенко называет вариантность пословиц важнейшим их динамизирующим свойством. Среди исследователей, предложивших классификации пословичных вариантов, он перечисляет Й. Млацека, В.Н. Вакурова, Е.И. Диброву, Е.К. Николаеву, Е.И. Селиверстову (Мокиенко 2010а: с. 12).

1.4. Пословичные трансформации

В своей монографии о нормативности и вариантности чешских и словацких пословиц О.С. Сергиенко предлагает следующую классификацию пословичных трансформаций, которой мы будем придерживаться в настоящем исследовании (Сергиенко 2015: с. 84):

I. Структурно-семантические приёмы трансформации пословиц

1. Простые приёмы трансформации

1) Замена компонентов:

- а) замена синонимом;
- б) замена антонимом;
- в) замена словом одного семантического поля;
- г) замена образных стержней пословицы словами или выражениями, семантически не связанными с исходными единицами,
- г-1) замена с использованием фоностилистики и омонимии.

2) Расширение компонентного состава пословицы (экспликация):

- а) введение в состав пословицы новых членов предложения;
- б) распространение пословицы по структурной схеме паремиологической единицы;
- в) дополнение пословицы авторским комментарием.

3) Сокращение компонентного состава пословицы (импликация):

- а) редукция компонентного состава пословицы;
- б) эллипсис отдельных компонентов пословицы.

4) Формально-грамматические приёмы трансформации:

- а) инверсия;
- б) морфологическое и словообразовательное варьирование;
- в) синтаксические трансформации.

2. Сложные приёмы трансформации:

- 1) сокращение пословицы до фразеологизма;
- 2) аллюзия;
- 3) контаминация;

4) авторское паремийотворчество (создание индивидуально-авторского пословичного выражения по структурной схеме пословицы; стилизация авторских окказионализмов под пословицу).

II. Семантические приёмы трансформации пословиц

Структурно-семантические приёмы трансформации предусматривают изменение формы и содержания пословицы (степень изменения семантики варьируется от незначительной до явной). Такие трансформации подразумевают под собой неожиданное, лишённое автоматизма использование пословицы, в результате чего привлекается внимание к внутренней форме паремии, и происходит её приспособление к контексту. При таких трансформациях актуализируется семантика как всей пословицы, так и исходных слов-компонентов в отдельности.

При детальном разборе практически каждой из трансформаций Сергиенко указывает на появление у паремийологической единицы дополнительного стилистического оттенка в контексте. Исключение составляет группа трансформаций с заменой компонентов, однако, при замене на стилистически-маркированную единицу усиление стилеобразующего потенциала трансформированной паремии, конечно же, происходит (Сергиенко 2015: с. 85-136). Вспомним также, что Наймушина

говорит о прямо пропорциональной зависимости усиления стилистической значимости пословицы в тексте от степени разрушения исходной формы пословицы в процессе трансформации. Думается, что в этой функции активнее всего выступают сложные приёмы трансформации. Аллюзия, например, требует особого внимания и осведомлённости реципиента о пословице, к которой отсылает автор, в результате чего некоторые мотивы внутри высказывания будут доступны только определённой группе читателей или слушателей, это придаёт тексту некоторую интеллектуальную и культурную глубину. Авторское паремийотворчество в виде стилизации мысли автора под пословичную структуру благодаря языковой ассоциативности заставляет читателя непроизвольно уделить выраженной таким образом мысли большее внимание, потому как пословица связывается с мудростью и авторитетностью суждения.

К семантическим приёмам трансформации относятся такие случаи, когда меняется семантика пословицы, встроённой в контекст и вступившей в связь с окружающими её лексемами, при этом план выражения остаётся в первоначальном нормативном виде. Среди таких трансформаций выделяются приём развёртывания пословицы и приём смыслового выделения компонентов пословицы (Сергиенко: с. 137-146). В обоих случаях речь идёт об обыгрывании пословицы в контексте, причём объектом такого обыгрывания может стать как актуализированный прямой план пословичного высказывания целиком, так и отдельно взятые компоненты лексического состава пословицы. Такой приём в некрупных жанрах художественной литературы, к примеру, может стать образной основой для развития поэтических ассоциаций или же основой для сюжетного поворота. Например, в статье о паремиях в стихотворениях М. Цветаевой исследовательница Л.Б. Савенкова пишет, что в поэтическом тексте паремия часто выступает в качестве одного из мотивов или даже лейтмотива, то есть включаются в контекст и раскрываются в нём, становятся текстообразующим элементом

(Савенкова: URL). В той же статье отмечается, что пословица чаще всего присутствует в поэтическом тексте на уровне аллюзии или в качестве авторского варианта. Это вновь говорит о высочайшем стилистическом потенциале сложных структурно-семантических приёмов трансформации, потому что в поэтическом тексте (среди прочих родов литературы) язык наиболее концентрированно выступает в своей художественной функции.

2. Транснациональная проза.

В рамках данного исследования рассматриваются два романа, написанные авторами чешского происхождения в эмиграции. Роман «Бессмертие» (чеш. *Nesmrtelnost*) Милана Кундеры был написан в 1987 году на чешском языке. К моменту завершения работы над романом Кундера жил в эмиграции во Франции уже более 10 лет. Вторым анализируемым нами романом – «История инженера человеческих душ» (чеш. *Příběh inženýra lidských duší*) Йозефа Шкворецкого, также написанный на чешском языке в 1977 году и изданный в Канаде. Шкворецкий со своей женой эмигрировал в США в 1969 году, переехав чуть позже в Канаду. Следовательно, изданию романа также предшествовало чуть менее десяти лет жизни в окружении совершенно иной культурной и, конечно же, языковой реальности, нежели в родной для обоих авторов Чехословакии.

Вслед за М.Ю. Котовой будем определять транснациональную прозу как прозу, написанную авторами с гибридной идентичностью (Котова 2016: с. 456). А.Н. Болдырева, также ссылаясь на данное определение в своём исследовании на материале текста чешско-немецкой писательницы Либуше Мониковой, справедливо и точно подмечает, что именно такое понимание транснациональной прозы подчёркивает переходность и взаимовлияние культур в таких произведениях (Болдырева, 2017).

В отечественной славистике тема особенностей транснациональной прозы разрабатывается достаточно активно. Например, в 2014 году под

редакцией М.Ю. Котовой была издана коллективная монография «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей», над составлением которой работали А.Г. Бодрова, Е.Е. Бразговская, О.В. Раина и др. Данная монография посвящена особенностям национальной самоидентификации в текстах писателей славянского происхождения, которые по тем или иным причинам были вынуждены эмигрировать на Запад. Кроме того, к теме национальной идентичности славянских писателей в своих работах обращаются А. Г. Бодрова, А.Н. Болдырева, В. С. Князькова, А.В. Русан и др.

Одним из основных направлений исследования вышеуказанных авторов было описание средств, в том числе языковых, при помощи которых писатели идентифицируют себя с точки зрения их родной и воспринятой зарубежной национальных культур, то есть обнаруживают свою гибридную идентичность, о чём упоминалось ранее. Иными словами, через анализ языковых средств, которым отдают предпочтение авторы, видится возможным сделать выводы о том, как соотносится в их личном восприятии «своё» и «чужое», и насколько эти две категории вообще противопоставляются в их творчестве.

Думается, что одним из таких языковых средств может стать и пословица в силу своей высокой ассоциативности в рамках того или иного национального языка, следовательно, и культуры тоже. Пословица, являясь, по сути, культурным стереотипом, отражает национальную память.

Связью языка и культуры занимается молодая научная дисциплина лингвокультурология. По определению В.А. Масловой, лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова, 2004). В качестве предмета исследования данной дисциплины определяются «культурно нагруженные единицы

языка, в содержании которых обнаруживается часть, обусловленная особенностями национальной культуры, этнического сознания» (Сабитова, 2013). Пословица, очевидно, один из первых претендентов на то, чтобы стать главным предметом лингвокультурологического исследования в силу специфики своей семантической структуры, отражающей особенности восприятия тех или иных ситуаций в народном сознании. Так, к примеру, Т.Р. Писарская и Н.Е. Якименко также избирают паремии для того, чтобы на их материале дать определение установке культуры в лингвокультурологии (Писарская, Якименко, 2016).

2.1. Язык транснациональных романов Кундеры и Шкворецкого

Отдельное внимание стоит уделить языку, избранному Кундерой и Шкворецким для написания своих романов. Очевидно, что находясь в эмиграции столь долгое время, они могли в прекрасной степени овладеть языками нового окружения. Однако, оба автора избирают родной чешский язык. В случае с текстом Кундеры это в некоторой степени это вынужденная мера из-за высокой, но всё ещё недостаточной степени владения французским языком в процессе написания. При этом парадоксально то, что действие романа «Бессмертие» разворачивается во Франции, персонажи носят французские имена, и мотивы чешской культуры в тексте никак явно не выражены. «Бессмертие» стал последним романом автора на чешском языке, после чего в своём творчестве он перешёл на французский. Шкворецкий же оставался верен чешскому языку в своих произведениях, написанных в эмиграции.

Вопросы языка в транснациональной литературе затрагивает М.О. Рубинс в своём докладе «Литература в контексте транснациональной теории» (Рубинс 2014). Она отмечает, что язык, будучи главным национальным атрибутом, для ряда писателей с гибридной национальной идентичностью становится обоснованием их полемики вокруг лингвистической

проблематики. Рубинс в качестве примера приводит заявление чешско-французской авангардной писательницы Веры Лингартовой о том, что писатель не обязан быть хранителем своего родного языка (Рубинс 2014: с. 276). Языковой и миграционный путь Лингартовой близок опыту Кундеры, так как она в конце шестидесятых годов прошлого столетия покинула Чехословакию и эмигрировала во Францию, перестав использовать чешский язык в своём творчестве. В сборнике эссе Кундеры «Встреча» (фр. Une Rencontre) помещён краткий очерк под заглавием «Литературное изгнание по Вере Лингартовой» (фр. L'Exil libérateur selon Vera Linhartova), в котором автор пишет следующее: «Когда Вера Лингартова пишет по-французски, можно ли все еще считать ее чешской писательницей? Конечно, нет. Стала ли она французской писательницей? Нет, не стала. Она находится в каком-то ином измерении» (Кундера 2014: с. 113). Рубинс считает, что в через это высказывание Кундера осмысляет в том числе и свой опыт перехода в другую культурную сферу, не относя себя ни к французским, ни к чешским писателям, оставаясь в третьем, промежуточном измерении на стыке двух культурных и языковых кодов. Рубинс определяет это «иное измерение» как пространство, в котором происходит диалог, взаимопроникновение разнообразных культурных, литературных и языковых моделей (Рубинс 2016: с. 277).

Несмотря на то, что обращение к чешскому языку характерно для Шкворецкого на всех этапах его творчества, нельзя не отметить одну специфическую черту языка исследуемого романа, а именно большое число иноязычных вкраплений в текст. Иноязычным вкраплениям в романе Шкворецкого посвящена глава монографии П. Мареша «Alao: Nazdar!». Об этой черте языка романа также пишет М.Ю. Котова в главе «Самопознание и самоощущение чеха в творчестве Йозефа Шкворецкого» коллективной монографии, упомянутой ранее. Котова высказывает мысль о том, что одновременно и адресат, и адресант романа – чешский эмигрант в США или

в Канаде. Для самого писателя такой стиль изложения является выражением его гибридной национальной самоидентификации (Котова 2014 в Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей: с. 108). Сложно сказать, насколько возможно применить мысль Кундеры об «ином измерении», в котором существует Шкворецкий как писатель-эмигрант. Несомненно, однако, то, что автор, делая выбор в пользу языковых средств, присущих иноязычной среде, так или иначе, принимает эту самую среду вместе с её культурой, позволяет ей сосуществовать с чешским культурным фоном.

Таким образом, становится возможным выдвинуть предположение о том, что ввиду билингвизма обоих писателей возможно взаимное влияние родного и освоенного в эмиграции языков на разных языковых уровнях, в том числе на паремиологическом. На этот вопрос можно взглянуть с двух сторон.

С одной стороны, языковые картины мира французского и английского языков, очевидно, заметно отличаются от чешских культурных установок, отразившихся в языке. И Кундера, и Шкворецкий пробыли в иноязычном окружении в эмиграции достаточно долгое время на момент написания романов, чтобы перенять языковые клише, присущие освоенному языку. Более того, Шкворецкий ещё на родине в значительной степени освоил английский язык, занимаясь изучением английского языка в университете, а позже работая в англо-американской редакции одного из государственных издательств. Таким образом, мы получаем гибридную систему языковых средств, через которые могла бы быть выражена национальная идентичность авторов. Конечно, в ситуации перемещения в инокультурную среду в сознательном возрасте сфера родных и перенятых культурных установок и языковых средств для их выражения будут чётко разделяться в сознании билингва. Таким образом, появление в тексте паремии в нормативном или трансформированном виде в любом случае будет являться национальным

маркером. В качестве стилистического средства такая языковая единица может сработать с учётом определённых условий. Если в тексте происходит обращение к чешской паремии, то читатель с большой долей вероятности через необходимую языковую и культурную ассоциацию понимает необходимые коннотации, соответственно, стилистический приём действует как нужно. В случае же обращения к иностранной паремии, читателю становится необходимым дополнительный культурный и языковой опыт для того, чтобы распознать пословицу и, соответственно, отреагировать на неё. Хотя, здесь нужно вспомнить об образности, характерной для пословиц, и в данном случае чешскоязычный читатель сможет через интуитивный отклик и логические связи всё-таки понять замысел автора и позволить коммуникативной функции текста сработать в полной мере.

С другой стороны, ранее уже упоминалось о интернациональном характере употребительных пословиц. Г.Л. Пермяков выдвинул в своих трудах мысль об интернациональности в целом паремиологического минимума разных языков и о том, что национальная специфика отдельных языков проявится при совмещении нескольких из них (Пермяков 1988: с. 19-22). В современных многоязычных пословичных словарях (например, РССПАС, словарь Э. Штрауса) мы видим тенденцию к указанию пословичных параллелей в других языках, и нередко пословицы по своей синтаксической структуре или компонентному составу могут совпадать или быть очень похожими, обнаруживая, таким образом, культурный стереотип всемирного или общеевропейского характера. В текстах романов действительно появляются такие пословицы (и их элементы), содержащие общий для культур разных народов образ, привязанный в одной и той же ситуации. В данном случае стилистические средства должны считываться реципиентом также без особых препятствий, однако, вопрос о идентификации этой языковой единицы как некоего специфического

национального символа (следовательно, и вопрос авторской самоидентификации) в данном случае остаётся менее ясным.

Выводы к главе I

Пословица обладает специфической семантической структурой, главным аспектом которой является коннотативный. Данный аспект отвечает за языковые, культурологические и контекстные ассоциации, соответственно, является узнаваемой языковой единицей. В тексте появление пословицы привносит стилистическую нагрузку, причём при пословичных трансформациях степень этой нагрузки может варьироваться. Это позволяет причислять пословицу к числу наиболее эффективных стилистических средств (в публицистических и художественных текстах в особенности).

Исследование транснационального романа в первую очередь основывается на том, что автор обладает гибридной национальной идентичностью, которая может проявляться в его текстах как через мотивы, так и через языковые единицы. Исследование пословиц (и их компонентов) в транснациональном тексте тесно сопряжено с обращением к лингвокультурам разных национальных языков. Из работ, посвящённых изучению творчества М. Кундеры и Й. Шкворецкого, нам удалось сделать некоторые заключения касательно отношения писателей к их восприятию иностранного языка и культуры (в сравнении с родным чешским) в вынужденной эмиграции. Кундера считает себя частью некоего «иногo» языкового и культурного измерения на стыке двух культур. Шкворецкий же, судя по обилию иноязычных вкраплений в тексте, также принимает часть заимствованной культуры, сохраняя при этом свою чешскую идентичность, продолжая писать на чешском во все периоды своего творчества. Билингвизм писателей отразился в выборе языковых средств. Появление пословиц (и их компонентов) в разнообразном виде, несомненно, является символом обращения к одной или обеим (в случае глобальной или общеевропейской

дистрибуции) культурам, а также является осознанным стилистическим выбором писателей, что мы детально рассмотрим в следующих главах.

Глава II. Паремии в транснациональном романе Милана Кундеры

Данная глава посвящена рассмотрению роли паремий и их компонентов, появляющихся в тексте романа М. Кундеры «Бессмертие». Анализу пословиц и их элементов предшествует описание событий жизни писателя, повлиявших на выбор языка, а также взгляд исследователей на положение романа в рамках европейской литературы.

1. Контекст появления романа «Бессмертие»

Приступая к подробному рассмотрению деталей произведения, необходимо определить предпосылки и контекст его написания. Для этого обратимся к отрезку жизни автора, предваряющему время появления этого романа на свет.

В 1953 году Милан Кундера заканчивает факультет кино Академии исполнительских искусств в Праге, после чего в 1962 году становится там преподавателем литературы. Участие Кундеры в протестном движении после оккупации Чехословакии 1968 году повлекло за собой то, что его сняли с должности в академии, а годом позже ему запретили публиковать свои произведения. Ещё семь лет Кундера со своей женой Верой проведёт на родине. В это время писатель завершает работу над двумя романами – «Жизнь не здесь» (чеш. *Život je jindy*) и «Вальс на прощание» (чеш. *Valčík na rozloučení*). Поскольку в Чехословакии публикация работ писателя была запрещена, оба эти романа ждала следующая судьба: сначала свет увидел их во французском переводе, и лишь некоторое время спустя оба они были изданы в своём изначальном чешском варианте в издательстве Й. Шкворецкого 68 Publishers в Торонто.

Это, казалось, тяжёлое обстоятельство писательской жизни и приводит Кундери во Францию: в 1975 году он принимает приглашение университета в Ренне (фр. *Université de Rennes*) и некоторое время преподаёт там, а позже переезжает в Париж и становится профессором в Высшей школе социальных

наук (фр. *École des hautes études en sciences sociales*). В 1979 году писателя лишают чехословацкого гражданства, которое будет восстановлено только спустя 40 лет в 2019 году. В 1981 году Кундера поучил французское гражданство. По-чешски было написано ещё два романа, которые повторили судьбу своих предшественников: первая публикация каждого из них была в переводе на французский язык. Этими романами стали «Невыносимая лёгкость бытия» (чеш. *Nesnesitelná lehkost bytí*), изданный в 1984 году, и «Бессмертие» (чеш. *Nesmrtelnost*), изданный в 1990 году (Pilař, Kudlová).

2. Принадлежность романа к национальным литературам

Роман «Бессмертие» является рубежным в творчестве Кундера как с точки зрения выбора языка, который писатель впредь использует в качестве основного для своих произведений, так и с точки зрения смены мотивов повествования. Известно то, что этот роман стал последним, написанным Кундерой на чешском языке. С одной стороны, как видно из биографии писателя, этот жест стал в большой степени вынужденным: запрет на издание и распространение произведений Кундера в Чехословакии означал в главную очередь то, что романы попадут к широкому чешскому читателю ещё нескоро. С другой же стороны, нельзя не задуматься о принадлежности писателя к какой-либо из национальных литератур после переломного момента его жизни, которым стала эмиграция и получение иностранного гражданства (важно то, что это французское гражданство, что фактически означает присуждение Кундере статуса француза).

Неудивительно, что вопрос о том, правильно ли называть Кундере чешским или французским писателем ввиду двуязычности его произведений, до сих пор остаётся открытым, и мнения исследователей по этому поводу расходятся. С литературоведческой точки зрения было бы логично обратиться сразу к содержательной стороне романов писателя. Так, например, исследователи Яньец и Нитраи в своей книге «Отбрасывая

двойную тень: центральноевропейство как судьба в романах Милана Кундеры» (чеш *Vrhat dvojity stín: Středoevropanství jako osud v románech Milana Kundery*) проводят чёткую границу между чешским и французским периодами творчества Кундеры. Авторы, сосредоточившись на его чешскоязычном творчестве, намеренно исключают роман «Бессмертие» из поля своего исследовательского обозрения. Это объясняется тем, что по своей теме, форме и стилю он гораздо ближе к французскому периоду творчества автора, и с чешской культурой его связывает лишь пара эпизодических персонажей, а язык написания романа не является достаточным основанием, чтобы называть его чешским (Janies, Nyitrai: 9. Действительно, само содержание романа не располагает к размышлению о чисто чешских вопросах, как предшествующие ему произведения. Однако, с точки зрения сплетения разных культур в тексте романа всё же нельзя говорить только о Франции. Только четыре из семи глав посвящены истории о главной героине по имени Аньес, её муже Поле, сестре Лауре; действие в них разворачивается в Париже. В остальных же магистральная тема романа, отражённая в названии, раскрывается в том числе через призму немецкой культуры, когда Кундера рассуждает о мистификации Беттины фон Арним, которая позиционировала себя как возлюбленную Гётте, и эту мистификацию комментируют Р.М. Рильке, Р. Роллан и П. Элюар. Так роман входит в ещё более широкий европейский контекст.

Некоторые исследователи вовсе предпочитают обходить эту двойственность, называя Кундери общеевропейским писателем. В статье «Мистер Кундера, европеец» (англ *Mr. Kundera, the European*) 1991 года американский литературовед Айвен Сендерс высказывает мнение о том, что Кундери следует воспринимать скорее не как писателя, говорящего от лица своей страны, а как европейца в широком понимании. С его точки зрения, Кундера уже на момент написания статьи не воспринимается западными читателями как автор в изгнании или восточноевропейский эмигрант (Sanders: s. 109). Французская исследовательница Эва ле Гранд также

характеризует романы Кунедры как европейские романы, которые даже могли бы, по её мнению, восприниматься как эссенция самой европейской культуры, прежде всего речь идёт о «Бессмертии» (Le Grand: с. 87).

Богемистка польского происхождения Йоанна Чаплинска, пишущая о прозе чешской эмиграции после 1968 года, в своей статье «К вопросу о двуязычности текстов Милана Кундеры» (чеш *Nad otázkou dvojjazyčnosti textů Milana Kundery*) также рассуждает о том, что именно определяет Кундеру как писателя, принадлежащего к определённой нации. Однако, она смотрит на творчество писателя именно сквозь призму используемого автором языка. Исследовательница приводит ряд практически равноценных и одновременно верных и неверных мнений о Кундере: это французский писатель чешского происхождения, чешский писатель, пишущий с определённого времени по-французски, чисто чешский или чисто французский писатель. Чаплинска, ссылаясь на И. Доровского и П. Вашака, говорит о возможности определить принадлежность автора к определённой национальной литературе через тот язык, на котором он пишет. Язык здесь выступает, во-первых, как инструмент конструирования реальности, и, во-вторых, как связующее звено с адресатом, то есть с читателем. Исследовательница считает такой подход категоричным, потому что даже при изменении языкового кода нельзя так резко отделять тот творчески подход, который формировался в чешскоязычных произведениях романиста (Czaplinská: s. 9-11). Скорее, Чаплинска занимает позицию самого Кундеры, описанную в его эссе «Литературное изгнание по Вере Лингартовой» (фр *L'Exil libérateur selon Vera Linhartova*), где он определяет положение Лингартовой, ещё одной перешедшей с чешского на французский язык писательницы-эмигрантки, как «вне» этих обеих национальных литератур. Переключение с чешского на французский, по мнению исследовательницы, перемещает и сами романы Кундеры в это пространство «вне» национального определения, обозначает это как проявление свободы и неограниченных возможностей, что подтверждается в том числе через раскрепощение архитектурной формы

романов (Czaplinská: s. 12). Под этим имеется в виду то, что романы, написанные после «Бессмертия», лишены такой чёткой композиционной структуры, которая присуща более ранним текстам автора.

Чешский филолог Моймир Григар, внося больше точности в описание лингвистической стороны романов Кундеры, пишет о неравном положении в них языка и речи следующее: «Язык для него в первую очередь intersубъективная система мышления и повествования, а не инструмент прямого описания и характеристики конкретного индивидуума или конкретной среды, обозначенной специфической местной и временной окраской» (Grygar: s. 98-99). Важно здесь подчеркнуть слово «intersубъективная», так как оно перемещает фокус от индивидуального к общему, то есть отношение автора к читателю как к иному субъекту вне зависимости от языковой среды, в которой он существует. Можно предположить, что этот подход Кундеры в том числе основывается на очевидной необходимости переводить написанные тексты, чтобы у них вообще были читатели в условиях чехословацкого запрета.

Как известно, Кундера очень бережно относится к переводам своих произведений после неудачного перевода романа «Шутка» (чеш. *Žert*). Это обстоятельство, вероятно, во многом и привело к более тщательному отношению Кундеры к своему слогу: писатель буквально подбирает слова, наиболее точные и однозначные. По мнению чешской исследовательницы Сильвии Рихтеровой, главные мыли его романов описаны особым образом. «Кундера изъясняется языком настолько прозрачным, основательным и освобождённым от всех случайных неоднозначностей, что оригинал текста воспринимается как матрица для перевода на другие языки. Таким образом, ни в одном переводе не утратится выраженная тема языка, отражённая в иных аспектах (сюжетном, психологическом, композиционном и т.д.), и они в свою очередь действуют и на то, что в языке и вне него» (Richterová: s. 136).

К моменту написания «Бессмертия», конечно, было ясно то, что этот роман будет в первую очередь издан по-французски. В послесловии к роману Кундера пишет: «К самому написанию романа я приступил летом 1987 года. В декабре 1988 года я считал роман завершённым. С января 1989 я активно сотрудничал со своей переводчицей Эвой Блош; работа оказалась более непростой, чем я ожидал (французским я владел намного лучше, чем раньше, и бесконечно уточнял каждую формулировку). Перевод был завершён в сентябре 1989; я сам изменял текст, вплоть до последней декабрьской корректуры. Французская версия «Бессмертия» вышла в издательстве Gallimard в 1990 году» (Kundera: s. 377). В том же предисловии автор называет общее количество правок после дальнейших переводов – 107. Часть из них касаются французского текста, но большая часть правок появляется и в чешском варианте. Таким образом, мы понимаем, что читая опубликованный в 1993 году уже в чешском издательстве Atlantis текст романа, мы вновь сталкиваемся со взаимной направленностью и взаимным влиянием языков. В каком-то смысле происходит универсализация языка, уточнение его на основании того, как другой языковой код способен его воспринять и наиболее точно воспроизвести. Эту же мысль поддерживает Чаплинска, но с несколько иной точки зрения: исследовательница называет переход с родного языка на язык перенятой культуры обращением к словам в чистом виде, освобождением от национального контекста вообще (Czaplinská: s. 14).

3. Пословицы в тексте романа «Бессмертие»

Суммируя тот исследовательский опыт, что был изложен выше, мы можем вывести два положения. Во-первых, язык в романах Кундеры выверен автором с особой тщательностью, поэтому можно говорить о функциональности и особой значимости всех языковых единиц в рамках исследуемых текстов. Во-вторых, и романы, и сам их автор воспринимаются

исследователями, скорее, как часть общеевропейского контекста. Однако, думается, свою гибридную идентичность Кундера как писатель всё-таки не утрачивает, хотя и явно стремится к её унификации в тексте романа. Таким образом, при дальнейшем анализе пословиц, появляющихся в тексте романа «Бессмертие» мы попробуем раскрыть функциональную значимость каждого из таких элементов для построения текста.

3.1. Отбор пословиц для анализа

При отборе материала для анализа главной задачей было обнаружить как можно больше случаев употребления пословиц или их компонентов в тексте романа. Главной опорой при поиске стал паремиологический минимум чешского языка, составленный немецким богемистом и паремиологом Францем Шиндлером (Schindler) Кроме того, виделось необходимым отобрать все случаи семантических сдвигов при употреблении лексем и также обратить особое внимание на синтаксические структуры. Такой подход основан на том, что пословицы обладают такой семантической структурой, сигнификативный аспект которой предполагает иносказание, и при этом наличие определённых коннотаций вызывает у носителя языка совершенно конкретную ассоциацию с жизненной ситуацией, за которой в том или ином языке пословица закреплена. Это вызывает определённые сложности у исследователя, который не является носителем языка, потому что такая ассоциация не всегда может появиться. В таком случае введение пословицы в текст как стилистический приём не сработает. Задача осложняется билингвизмом писателя, который к моменту издания романа на чешском языке по собственным наблюдениям достаточно хорошо владел языком воспринятой им культуры и, кроме того, успел внести в текст дополнительные правки в процессе перевода романа на другие языки. Также нужно отметить и то, что актуализация пословицы в тексте зачастую сопровождается её трансформацией. Поэтому было особенно важно обратить

внимание на каждое иносказательное употребление лексем в тексте и проверить наличие таких компонентов не только в чешских пословичных словарях, но и в международных пословичных базах.

Итогом такого отбора стал ряд фрагментов, в которых, как видится, актуализируются не только чешские, но и французские пословицы в соответствующих контекстах, причём гораздо более значительная часть таких употреблений основывается именно на чешской устойчивой модели. Всего в тексте романа было найдено 13 таких употреблений, причём в чистом виде пословица встречается только однажды, в большинстве своём пословицы появляются в трансформированном виде, и обычно это сложные приёмы трансформации. Далее обратимся к самим примерам употребления пословиц, дадим им характеристику с точки зрения классификации пословичных трансформаций, приведённой в первой главе, а также попытаемся определить степень стилистической значимости каждой из них в тексте романа.

3.2. Простые приёмы трансформации

Структурно-семантические приёмы трансформации пословиц делятся на простые и сложные, и среди примеров актуализации пословиц в романе они проявляются примерно в равной степени.

Чаще всего среди простых пословичных трансформаций в анализируемом тексте встречается замена компонентов. Например, в главе *Tvář* главная героиня Аньес, сидя в сауне спортзала, наблюдает то, как она из женщин ведёт себя достаточно властно и вызывающе, всеми своими действиями заявляя о себе как о неформальном лидере. Когда одна из её собеседниц заявляет о скромности как о положительном качестве (лексемы *vynikající* /выдающийся/ и *skromný* /скромный/ выступают как определения одного и того же лица), женщина не соглашается. Далее следует фрагмент:

A obrátila se na Agnes: „Vám snad připadá skromný?“ Agnes řekla, že ten pořad neviděla, a neznámá, jako by v tom viděla zastřený nesouhlas, opakovala velmi hlasitě, dávající se Agnes do oči: “Nesnáším skromnost. Skromnost je pokrytectví.” (s. 19)

[И она обратилась к Аньес: «Может быть, Вам он кажется скромным?» Агнес сказала, что не видела эту передачу, и незнакомка, будто бы увидев в этом скрытое несогласие, повторила очень громко, глядя Агнес в глаза: «Я ненавижу скромность. Скромность – это лицемерие.»]

Данный фрагмент содержит трансформированную пословицу, которую удалось опознать по компоненту *skromnost* и его характерной синтаксической структуре. Чешская пословица *Skromnost šlechtí* /букв. Скромность облагораживает/ и словацкая *Skromnost je cnosť* /букв. Скромность – это добродетель/ в своём исходном варианте отражают общеевропейский культурный стереотип, в котором скромность является положительным качеством человека (ср. рус. Скромность красит человека; англ. Modesty is the beauty of women). Однако, в тексте романа происходит замена компонента с положительной коннотацией лексемой *pokrytectví*, имеющей коннотацию отрицательную. Кроме того, само значение пословицы призывает человека не заявлять открыто о своих достижениях, успехах, не проявлять себя вызывающе. Сохранение стержневого компонента *skromnost* обеспечивает узнаваемость пословицы как языковой единицы, а несоответствие зафиксированному в ней восприятию этой моральной категории, вероятно, служит для ещё большего сосредоточения внимания читателя на портрете этой второстепенной героини, что необходимо для дальнейшего развития в тексте темы манифестации своей личности.

Похожим образом в текст встраивается ещё два высказывания, которые были выстроены на основе синтаксиса существующей в чешском языке пословицы.

To zjištění nás přivede k šokujícímu zaveru: gesto he individualnejsi než individuum. Mohli bychom to říci formou úsloví: mnoho lidí, málo gest. (s. 15)

[Это осознание приведёт нас к шокирующему выводу: жест более индивидуален, чем индивид. Мы могли бы сказать об этом в форме условия: много людей, мало жестов.]

Lidi mnoho, myšlenek málo: všichni si myslíme přibližně totéž a myšlenky si navzájem předáváme, půjčujeme, krademe. (s. 209)

[Людей много, мыслей мало: все мы думаем примерно об одном и том же, и мысли мы передаём друг другу, заимствуем, крадём.]

В обоих случаях в тексте реализуется достаточно распространённая в пословицах европейских языков синтаксическая модель противопоставления «много-мало». Так, например, в чешском существует пословица *Mnoho rukou, málo prác* /букв. Много рук, мало работы/, в других языках мы встречаем следующие параллели: англ. *Much bran and little meal* /букв. Много отрубей и мало муки/, нем. *Viel Stroh, wenig Korn* /букв. Много соломы, мало зерна/, фр. *Beaucoup de paille, peu de grains* /букв. Много соломы, мало зерна/, итал. *Molti rampini, poca uva* /букв. Много виноградных листьев, мало винограда/. Все эти пословицы объединены общим значением: скудный результат при большом количестве усилий. В тексте романа в обоих случаях мы видим замену образных стержней пословицы словами, семантически не связанными с исходными единицами. Оба фрагмента, однако, остаются достаточно близкими к исходной семантике пословицы: большое количество людей не способно ни породить большее количество мыслей, ни создать новые жесты. Примечательно то, что мотив жеста будет постоянно проявляться на протяжении всего романа и станет одной из основных характерных черт главной героини Аньес. В сущности, её образ создаётся очарованным повествователем из случайно увиденного им юного жеста дамы средних лет. Неслучайным видится и то, что Кундера дважды обращается к одной и той же пословичной форме: дихотомия «много-мало», как мы видим, зафиксирована в пословицах многих языков, соответственно, она будет узнаваема и во многих переводах широким кругом читателей. Так,

с точки зрения стилистической функциональности эти два текстовых элемента сосредотачивают внимание читателя на текстообразующих деталях и, что важно, в действительности задают внутри текста интернациональное звучание. В некотором роде Кундера приходит здесь к той мало независимой от языковой среды интерсубъективности, о которой писал Григар.

Похожим образом происходит замена компонентов образных стержней пословицы словами, семантически не связанными с исходными единицами в следующем отрывке:

A jak už jsem řekl, tam, kde je smrt, je i nesmrtelnost, její družka, a romantici ji týkají stejně dovoleně jako Bettina týkala Gotjeovi. (s. 73)

[И как я уже говорил, где смерть, там и бессмертие, её друг и для романтиков общаться с ней на «ты» так же уместно, как Беттина была на «ты» с Гётте.]

Здесь распознаётся чешская пословица *Kde je světlo, je i stín* /букв. Где есть свет, есть и тень/ со значением «всё положительное может сопровождаться негативными обстоятельствами». Как и в предыдущем случае, Кундера оставляет узнаваемую синтаксическую рамку *kde je..., je i...*, заменяя образные стержни соизмеримо исходной семантике пословицы. Лексемы *světlo* и *stín* воспринимаются как антонимическая пара, но через синтаксис пословицы и благодаря союзу *i*, который в чешском языке обладает оттенком усиления, они представляют собой неделимое единство, и, к тому же, эта образность ПЕ мотивирована естественными законами. В исследуемом тексте пословица актуализируется таким образом, что через узнаваемую форму автор вводит в текст и объединяет два центральных понятия всего романа – смерть и бессмертие, а образность семантики исходной пословицы подчёркивает естественную смежность этих двух понятий. Иначе говоря, через существующий в языке стереотип Кундера, во-первых, вновь привлекает особое внимание к теме бессмертия, и, во-вторых, углубляет его понимание через ряд коннотаций чешской пословицы. Однако, такое прочтение, как видится, может быть достигнуто и без восприятия этой

ПЕ, потому как сразу после трансформированной поговорки возникает словосочетание *její družka*, которое дополняет и поясняет её, становится кратким метафорическим авторским комментарием. Таким образом, использование паремиологической единицы чешского языка всё-таки не становится тем фактором, который мог бы определить данный текстовый элемент как рассчитанный исключительно на чешскоязычного читателя.

Ещё один пример замены компонентов наблюдаем в следующем фрагменте, когда профессор Авенариус, погружённый в мысли о своём превосходстве, покидает торговый дом, интерьеры которого и побудили его к этим мыслям:

Leč všechno krásné končí: profesor Avenarius vyšel ven z obchodního domu a octl se na schodišti, jimž šel do podzemí metra, chtěje se vyhnout proudu aut projíždějícímu nahoře bulvárem. (s. 159)

[Однако, всё хорошее заканчивается: профессор Авенариус вышел из торгового дома и оказался на лестнице, по которой он спускался в метро, желая избежать потока машин, проезжающих наверху по бульвару.]

Чешская поговорка *Všechno má svůj konec* /букв. У всего есть свой конец/ в данном контексте была актуализирована с морфологической заменой существительного *konec* однокоренным глаголом *končit*. Её компонентный состав был расширен лексемой *krásné*, что уточнило семантику ПЕ, поскольку изначально компонент *všechno* предполагает как хорошее, так и плохое. Вероятно, в данном контексте Кундера прибегает к использованию устойчивой языковой единицы, отражающей принятую культурой универсальную истину, как связующий текстовый элемент, вынужденный переход от сладостных мыслей Авенариуса к описанию внутритекстовой действительности, что соответствует и самому значению ПЕ. В базе SprichWort-Plattform обозначен пословичные параллель в немецком языке *Alles hat ein Ende* /букв. У всего есть конец/, и идентичная по своей структуре устойчивая воспроизводимая единица найдена и во французском: *Tout a une fin*. Вновь речь идёт об универсальной языковой

единице, которая способна даже при переводе в другой языковой код вызвать необходимую ассоциацию у носителей разных языков и сохранить ту стилистическую окраску, которая видится закономерной в ходе развития текста.

Подобного рода трансформация происходит в фрагменте текста, описывающем любовные переживания сестры Аньес Лауры, которая переживает тяжёлый этап в отношениях со своим возлюбленным:

Chtěla způsobit výbuch s tajnou nejasnou vírou, že se po bouři mraky rozplynou a bude všechno, jako bylo předtím. (s. 140)

[Она хотела вызвать взрыв с тайной неясной верой, что после грозы тучи рассеются, и всё будет так, как было раньше]

Здесь основу берётся широко употребительная по данным пословичной базы SprichWort-Plattform пословица *Po bouři bývá jasno* /букв. После бури бывает ясно/. В контекст данная ПЕ встраивается на основании своего значения: после тяжёлых испытаний настанут лучшие времена. Существенного смещения семантики не происходит, потому как компонент *bývá jasno* заменяется синонимическим словосочетанием *mraky se rozplynou*. Это представление также вполне типично для европейского восприятия: пословичная база Матти Кууси определяет параллели этой пословицы в английском, немецком и латинском языках и обозначает ареал их распространения как общеевропейский. В том числе мы находим устойчивое выражение с аналогичной образностью, семантической и синтаксической структурой во французском языке: *Après la pluie, vient le beau temps* /букв. После дождя приходит хорошая погода/.

Как пример заметного сокращения компонентного состава актуализированной в тексте пословицы приведём следующее:

Byla z toho vědoma a hnevala se na něho, ze jí vzal radost, kterou ještě nedávno měla sama ze sebe, radost, která, jak se teď ukázalo, byla velmi křehká, nezakořeněná a a zcela závislá na něm, na jeho lásce a obdivu. (s. 155)

[Она понимала это и гневалась на него за то, что он забрал у неё радость, которую ещё недавно она ощущала просто так, радость, которая, как оказалось, была очень хрупкая, неукоренившаяся и полностью зависящая от него, его любви и восхищении]

Здесь видна актуализация компонентов пословицы *Sklo a štěstí křehké, na zlomení lehké* /букв. Стекло и счастье хрупкие, их легко сломать/. В тексте романа она редуцируется, причём сохраняется лексема *křehká* в сочетании с лексемой того же семантического поля, что и в исходной форме пословицы. Через лексему *radost* пословица встраивается в контекст, описывая не только само утраченное чувство героини, но и зафиксированное в языке представление о хрупкости счастья и вообще всего хорошего в жизни человека.

В своём наиболее узнаваемом виде в тексте предстаёт пословица в следующем фрагменте:

Laura o diplomu nic nevěděla (Paul držel slovo), a protože nebyla zvykla se ho ptát na jeho práci, nevěděla nic ani o jiných potížích, které ho potkaly v rozhlase (neštěstí, jak známo, nechodí nikdy samo), takže si vysvětlovala jeho zamkllost tím, že ji přestal mít rád.(s. 138)

[Лаура о дипломе ничего не знала (Поль держал слово), и из-за того, что у неё не было привычки спрашивать его о работе, она не знала ничего и о других сложностях, с которыми он столкнулся на радио (беда, как известно, не приходит одна), поэтому она объясняла его замкнутость тем, что он её разлюбил.]

Здесь мы видим актуализацию чешской пословицы *Neštěstí nechodí nikdy samo* /рус. Беда никогда не приходит одна/, причём пословица не только полностью помещается в текст, но и эксплицируется автором: при расширении компонентного состава пословица ритмизуется, и даже появляется рифма «známo-samo», что пословицам очень свойственно. Думается, добавление новых компонентов призвано обратить внимание на пословицу, в текст вводится своеобразный дополнительный фонетический

сигнал. И хотя данный случай нельзя в полной мере рассматривать как место романа, предназначенное для исключительно чешского читателя, поскольку эту поговорку можно перевести при помощи другой поговорки (например, англ. *Misfortunes never come alone*), при переводе утратится ритмизация и рифмовка, добавленные автором в качестве приёма, усиливающего экспрессивность поговорки.

Это не единственный случай, когда поговорка включается в текст без замены компонентов или сокращения их состава:

A bude stačit málo, jedna kapka vody, pro kterou přeteče sklenice: třeba že bude na ulici o jedno auto, o jednoho člověka nebo o jeden decibel víc. (s. 29)

[И будет достаточно мало: одна капля воды, которая переполнит чашу: к примеру. на улице будет на одну машину, на одного человека или на один децибел больше.]

В контекст данная поговорка встраивается через своё значение: самой незначительной вещи может хватить, чтобы произошло что-то серьёзное и непоправимое. Этот языковой стереотип также характерен для всего европейского ареала.

Встречаются случаи, когда в рамках чешского языка, скорее, речь может идти об актуализации крылатого выражения, приобретшего свою воспроизводимость благодаря своей поговорочной структуре и яркой образности: ни в одном из поговорочных словарей или поговорочных баз такой паремии найдено не было.

“Život je boj” je věta, která musila znít, když byla poprvé vyslovena, jako melancholický a rezignovaný povzdech. (s. 158)

[«Жизнь – борьба» - фраза, которая должна была звучать, когда она была впервые произнесена, как меланхолический покорный вздох]

Словарь европейских поговорок Э. Штраусса предлагает близкую по структуре и семантике французскую поговорку *La vie est un combat perpétuel* /букв. Жизнь – это непрерывный бой/. Так мы видим в данном фрагменте, в том числе, кальку с французской поговорки с эллипсисом одного из

компонентов. Несомненно, такая трактовка неоднозначна, однако, актуализация элементов ПЕ иного языка средствами иного языкового кода вновь позволяет говорить о включении в текст элемента, характерного не только для чешского культурного пространства, что так или иначе включает текст в общеевропейский контекст.

3.3. Сложные приёмы трансформации

Сложные приёмы структурно-семантической трансформации предполагают актуализацию ПЕ в таком виде, в котором исходная форма пословицы нарушается наиболее сильно. Как следствие, распознавание таких единиц вызывает наибольшее затруднение, поскольку они встраиваются в контекст зачастую только через отдельные компоненты семантики. Тем не менее, вспомним взгляд на эту проблему Т.А. Наймушиной, которая утверждает, что степень трансформации пословицы прямо пропорциональна её стилеобразующему потенциалу.

В тексте романа мы встречаемся всего лишь с несколькими примерами сложных трансформаций. Объяснить это можно тем, что для слога Кундеры гораздо более свойственна тяга к однозначности, что не гарантируется при частичном узнавании пословичного элемента. Поэтому писатель достаточно осторожно вводит такие ПЕ в текст романа. Обратимся к примерам.

Agnes nemohla odtrhnout pohled a myslila na to, jakou divokou radost musí zažít fotograf, který se nudil při banální podívání a najednou viděl, jak mu v podobě hořícího avionu padá z nebe štěstí.(s. 38)

[Аньес не могла оторвать взгляд и думала о том, какую дикую радость должен испытать фотограф, который со скукой наблюдал банальное и вдруг увидел, как ему в виде горящего самолёта с неба падает счастье]

Трактовать этот фрагмент достаточно сложно, поскольку по здесь явно прочитывается компонент входящей в паремиологический минимум (а значит, общеизвестной и употребительной) пословицы *Žádný učený z nebe nespádl* /букв. Ни один учёный не упал с неба/, которая соотносится с

представлением о том, что ничего не происходит само собой, и что всему нужно учиться. В семантике данной пословицы можно проследить отрицание неожиданного появления каких-либо навыков или благ. Так, мы можем предположительно выделить коллокацию *padat z nebe* с семантикой неожиданности. В данном случае, скорее, обращение к компоненту пословицы призвано усилить то впечатление от фотографии, которое испытывает Аньес. Так актуализируется не целая пословица, а только один из её образных стержней, закреплённый. Для чешского читателя здесь появляется дополнительная коннотация, поскольку появляются ассоциации с пьесой Я. Климмы «*Štěstí nepadá z nebe*» (Счастье не падает с неба).

Ещё дважды в тексте встречаются языковые элементы, которые были, по всей видимости, восприняты из языка принятой автором культуры.

Kdyby na chvíli v té vůli polevila, láska by uletěla jako pták, kterému otevřeli klec.(s. 48)

[Если бы это стремление ослабло хоть на мгновение, любовь бы улетела, как птица из открытой клетки]

Здесь автор прибегает к использованию метафоры, в основе которой лежит образ, вероятно, заимствованный из французской пословицы *L'homme marié est un oiseau en cage* /букв. Женатый мужчина - птица в клетке/. ПЕ отражает стереотип о связи между понятием свободы и наличием супруги, таким образом, давая ироничную оценку институту брака. В тексте это представление реализуется, скорее, через аллюзию на пословицу, которая выступает как приём пословичной трансформации. Любовь, которая предположительно должна быть в основе счастливого брака, сравнивается в заточённой в клетку птицей. Представление о браке как об источнике несвободы и несчастья, стереотипизированное во французском языке, дополняет психологический портрет в действительности обременённой браком главной героини, актуализируя глобальное метафорическое восприятие социального статуса супруга.

Наконец, в тексте был найден любопытный образец, думается, авторского паремийотворчества, который по своей образности и афористичности претендует на то, чтобы быть причисленным к разряду стилизаций под поговорку.

A ona se usmála svými krásnými protaženými rty: “Láska je lék proti všem špatným znamením.” (s. 316)

[И она улыбнулась своими красивыми растянутыми губами: «Любовь – это лекарство от всех дурных примет».]

Это выражение, как и любая поговорка, имеет закрытую синтаксическую структуру и в основе своей содержит структурную схему поговорки (в части работы, посвящённой простым трансформациям, мы встречались со структурами такого типа, где два стержневых понятия соединены глаголом *být*, дважды). Однако, есть основание предполагать, что здесь имеет место быть и контаминация семантических компонентов двух поговорок – французской *L’amour couvre toutes les fautes* /букв. Любовь покрывает все грехи/ и чешской *Čas zahojí všechny rány* /букв. Время вылечит все раны/. Так в авторской паремии соединяются два понятия: представление о любви как о силе, способной оправдать и простить любой поступок, и о времени, которое необходимо для того, чтобы жизненные трудности забывались, и которое в метафорическом смысле является лекарством от всех бед. В тексте же происходит соединение отдельных компонентов семантики этих поговорок: любви как всемогущего чувства и способности избавлять от дурных жизненных обстоятельств.

Выводы к главе II

Определение национальной принадлежности Кундеры как писателя представляет собой достаточно сложный и неоднозначный вопрос. Как литературоведы, так и лингвисты довольно активно выдвигают мысль о том, что наиболее верным является рассмотрение романов писателя как

общеευропейских. Это обосновано тем, что даже те романы, которые изначально были написаны по-чешски, из-за запрета публикации автора в Чехословакии в первую очередь воспринимались читателями в переводах. Таким образом, чешский язык, хотя и является родным языком Кундеры и основным языком романа «Бессмертия», лишь отчасти может свидетельствовать о том, что сам роман может быть расценен как чешский. Из-за необходимости постоянно переводить романы, Кундера с особым вниманием относится к подбору языковых средств, стремясь к универсализации текстовых компонентов, к их однозначности для более точной передачи.

В результате внимательного прочтения в тексте были обнаружены ПЕ, которые часто служат для отражения в языке некоего культурного стереотипа, присущего конкретному языку, народу и культуре. Как показал анализ каждого из случаев обращения к пословицам или их компонентам, в тексте «Бессмертия» эти языковые единицы чаще всего имеют не национальный, а интернациональный характер, что вновь объясняется поиском общих мест, чтобы избежать искажения вкладываемых смыслов. Актуализация пословиц в тексте происходит практически всегда в трансформированном виде. В половине случаев Кундера оставляет существующую структуру узнаваемой, при этом заменяя компоненты ПЕ лексемами, которые имеют ключевое значение для понимания магистральных мотивов произведения, служат толчком для дальнейшего разворачивания текста, усиливают экспрессивность. Неожиданное использование пословицы привлекает большее внимание к внутренней форме актуализированной паремии и её компонентам. В основном в романе появляются пословичные структуры, которые есть в чешском языке, но встречаются и примеры обращения к образной структуре иноязычных ПЕ, аналогов которым в чешском языке нет. Такие аллюзии на иностранную пословицу вводятся в текст в качестве метафоры. Среди пословичных трансформаций сложные встречаются гораздо реже простых, и мы можем

выделить всего три таких примера. Это можно объяснить тем, что простые приёмы структурно-семантической трансформации пословиц оставляют их в более узнаваемом виде для воспринимающего текст субъекта, соответственно коммуникативная цель будет достигнута с гораздо большей вероятностью.

Глава III. Паремии в романе Й. Шкворецкого «История инженера человеческих душ»

Данная глава посвящена анализу паремий и их компонентов, найденных в тексте романа Йозефа Шкворецкого «История инженера человеческих душ» с точки зрения их стилистической значимости. Обнаруженные пословицы будут рассмотрены в тесной связи с историческим контекстом создания романа, его идейной и композиционной структурой, а также сквозь призму вопроса о гибридной идентичности автора.

1. Йозеф Шкворецкий как транснациональный автор

Йозеф Шкворецкий родился в чехословацком городе Наход в 1924 году, там же окончил среднюю школу и гимназию, и после выпускных экзаменов в 1943 году был направлен в качестве подсобного рабочего на фабрику Metallbauwerke Zimmermann und Schilling а Находе. По окончании войны в 1945 году Шкворецкий поступил на медицинский факультет Карлова университета, и, проучившись там один семестр, перешёл на философский факультет, где изучал английский язык и философию, после окончания университета он преподавал чешский язык и социальные науки в Горжице. Титул доктора философских наук Шкворецкий получил в 1951 году, следующие два года он служил в армии в танковом самоходном батальоне, и по возвращении со службы в 1953 получил должность в англо-американской редакции государственного издательства художественной литературы и искусств. Позже Шкворецкий стал заместителем главного редактора журнала «Мировая литература» („*Světová literatura*“), но после того, как в 1958 году со скандалом вышел в свет первый его роман «Труссы» („*Zbabělci*“), столкнувшийся с резкой критикой изображения чешского восстания, он был вынужден вернуться на прежнее место. С 1963 года Шкворецкий посвящает себя профессиональной литературной деятельности. Спустя некоторое время после событий Пражской весны в 1969 году вместе с супругой Зденой Саливаровой писатель уезжает в США, где преподаёт

сначала в Корнельском университете (штат Нью-Йорк), позже они переезжают в Калифорнию. В этом же году издательство *Československý spisovatel* прекращает работу над выпуском романа «Танковый батальон» („*Tankový prapor*“) на этапе страничной корректуры, а супруги принимают решение не возвращаться в Чехословакию. Из Калифорнии они переезжают в Канаду, где Шкворецкий до 1990 года преподавал английскую и американскую литературу в Торонтском университете (*Špirit: Slovník české literatury*).

Йозефа Шкворецкого, как и Милана Кундery, можно отнести к писателям, чья эмиграция была вынужденным шагом. Фактически, оба они стали изгнанниками, и издание их произведений в Чехословакии стало невозможным в связи с политическим преследованием каждого из них. В своём эссе 1972 года «Текст на случай, если я выпадну из окна или погибну в автокатастрофе» („*Text pro případ, že bych vypadl z okna, nebo se zabil při autonehodě*“) Шкворецкий пишет о причинах, которые побудили его уехать на Запад. Помимо утверждения своего принципиального несогласия заниматься творчеством под давлением коммунистического режима, Шкворецкий говорит и о гонениях в Чехословакии, которые писатель неоднократно в своём сочинении называет травмой и ночным кошмаром, который коснулся его даже в Торонто. О своём решении покинуть родину Шкворецкий пишет: «Я тогда ещё не принял окончательного решения. Для человека моего возраста и профессии такой шаг, естественно, очень непростой. Я хотел выиграть время, чтобы всё обдумать, чтобы ко всему подготовиться. Чтобы снова справиться с травмой. Несколько друзей согласно постановлению, которое отменяло другие постановления, я отправлял в Прагу запрос на разрешение проживания за границей, также как и многие в моей ситуации. Ответа я так никогда и не получил» (*Škvorců, 1972: s. 21*). Спустя двадцать лет в интервью с Ф. Гуревичем Шкворецкий скажет, что он не стал возвращаться на родину даже после либерализации,

потому что соотносит себя со многим в Канаде, в том числе и с чешским сообществом (Gourevitch, Škvorecky: s. 88-89).

Особенности творчества обоих рассматриваемых в настоящем исследовании писателей в изгнании можно определить, в том числе, двумя важными факторами: влияние языка воспринятой в эмиграции культуры и адресат текстов. Как отмечалось ранее, Кундере приходилось привыкать и встраиваться во франкоговорящее окружение, и писателю потребовалось несколько лет, чтобы в достаточной степени овладеть новым языком и в итоге в своём творчестве совсем отойти от использования родного языка. В случае со Шкворецким лингвистического конфликта в контакте с новым окружением не было: «Я уезжал с так называемым законченным образованием и без иллюзий в страну, язык которой я знал, и которая была моей второй родиной» (Salivarová, Škvorecký: s. 15). Даже находясь в окружении, где доминирующим языком является английский, которым он прекрасно владеет, автор продолжает писать на чешском.

Существенной здесь видится сама мотивация возможного перехода на иной язык: произведения Кундеры, хотя и были изначально написаны на чешском, впервые публиковались в переводах, и появились в официальной печати на чешском языке только в девяностые годы. Соответственно, одной из главных задач Кундеры была универсализация языка своих произведений для более точных переводов для более широкого круга читателей вне зависимости от их национальности, к чему мы пришли в предыдущей главе. Шкворецкий вместе со своей супругой Зденой Саливаровой в 1971 основали в Торонто издательство *68 Publishers*. Причиной этого решения стала необходимость издать роман «Танковый батальон», издание которого в Праге не состоялось. В течение следующих двух десятилетий это издательство занималось публикацией книг запрещённых на родине чешских и словацких писателей на языке оригинала и их английских переводов. Читателей эти книги находили в первую очередь среди канадского и

американского сообщества чешской эмиграции. Все свои романы, написанные в период эмиграции, Шкворецкий публикует здесь. Таким образом, логично будет предположить, что у автора не было необходимости намеренно усреднять или тщательно продумывать язык своих произведений, потому как адресат текста явно обладает схожим с автором культурным фоном и языковым опытом.

Эта же мысль появляется в коллективной монографии «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей» в главе, посвящённой самоощущению чеха в творчестве Й. Шкворецкого. По мысли М.Ю. Котовой, роман «Příběh inženýra lidských duší» (1977), анализу которого посвящена данная глава, ориентирован именно на чешского эмигранта в США или Канаде. «Одновременно это и адресант, то есть сам писатель, для которого такой стиль изложения — самое естественное речевое поведение и выражение сути гибридной национальной самоидентификации» (Котова, 2014: 108). Основным языком романа является чешский, но в тексте в изобилии появляются вкрапления на английском, немецком, латинском и словацком языках. Повествовательную основу романа составляют две основные сюжетные линии, разбитые на фрагменты и переплетающиеся между собой. Центральным персонажем, от лица которого ведётся повествование, является Данни Смиржицкий – литературное альтер-эго Шкворецкого, появляющееся в роли главного героя в ряде романов автора: «Труссы» („*Zbabělci*“, 1958), «Танковый батальон» („*Tankový prapor*“, 1969, 1971), «Чудо» („*Mirákl*“, 1972), «Сезон что надо» („*Prima sezóna*“, 1975). В одной из линий Данни ретроспективно рассказывает о своей жизни в чехословацком городе Костелец в сороковые годы, вторая линия переносит нас на тридцать лет вперёд и освещает его жизнь в эмиграции в Канаде, где он уже является профессором литературы в Торонтском университете. Главный герой, как и сам автор, чешский эмигрант, оказавшейся в условиях иной культуры и, соответственно, в иноязычном окружении, что было

необходимо отразить и в тексте. Шкворецкий избрал стратегию, которая стала одной из интереснейших для лингвистического анализа и наиболее примечательных стилистических черт романа – многоязычность. Вопросу многоязычности в романе «Příběh inženýra lidských duší» чешский исследователь Петр Мареш посвятил отдельную главу в своей монографии «Also: Nazdar! Aspekty textové vícejazyčnosti» (Mareš, 2003). Описание функции англоязычных вкраплений в романе привела в своей магистерской диссертации и ряде статей А.В. Русан. Исследовательница приходит к выводам о стилеобразующей функции переключения кодов речи как одной из основных черт в создании в тексте портрета чешского эмигранта в Канаде (Русан: с. 60).

Таким образом, мы видим, что гибридная идентичность автора воплотилась и в языковых средствах, использованных им в романе. Ранее были подробно исследованы иноязычные вкрапления на практически всех языковых уровнях. Однако, за пределами внимания остался уровень паремиологический. Попробуем подробнее рассмотреть случаи употребления единиц этого уровня в тексте романа.

2. Паремии в тексте романа «История инженера человеческих душ»

Отбор материала для исследования производился по методу, описанному в предыдущей главе: в тексте были отмечены все случаи употребления синтаксических структур, напоминающих типично пословичные, а также случаи семантических сдвигов при употреблении лексем. После внимательного прочтения, отбора вероятных случаев использования ПЕ или их компонентов и поиска в словарях и пословичных базах данных, в тексте было обнаружено 33 случая употребления паремиологических единиц как на чешском языке, так и в качестве иноязычных вкраплений. По типу обнаруженные ПЕ можно разделить на основные категории:

- нормативные пословицы;
- пословичные трансформы (простые и сложные приёмы трансформации);
- крылатые выражения

2.1. Пословицы на чешском языке

Основным языком романа является чешский, и среди найденных в тексте пословиц или их компонентов больше половины относится к пословичному фонду чешского языка. Главным образом эти ПЕ появляются в речи повествователя – чешского эмигранта. Важно ещё раз отметить, что чередование двух пластов повествования не играет существенной роли в классификации или определения стилистических функций пословиц, поскольку события сороковых годов описываются ретроспективно, то есть уже из эмиграции с точки зрения носителя гибридной идентичности. Следовательно, мы будем обращать внимание на конкретные сюжетные пласты только в том случае, если употребление ПЕ встречается вне рамок потока речи рассказчика.

Пословицы и их компоненты, встретившиеся в чешскоязычной части текста, видится возможным разделить на два типа:

1) чешские пословицы, не имеющие параллелей вообще или имеющие параллели в родственных языках, отличные по компонентному составу и синтаксису;

2) чешские пословицы, имеющие такие же или близкие по компонентному составу и синтаксису параллели в языках, не относящихся к славянским.

Такое условное разделение найденных пословиц по наличию их в разных языках указывает на степень распространённости определённых стереотипов в разных культурах. Само по себе наличие в тексте пословиц, не подлежащих передаче на другой язык при помощи пословицы, близкой по

семантической структуре и компонентному составу, ещё чётче определяет адресата как носителя чешской лингвокультуры. Далее рассмотрим все случаи появления ПЕ в тексте в рамках каждой из данных групп.

К группе половиц **первого** типа нами были отнесены чешские пословицы, которые являются в той или иной мере уникальными и верно опознаваемыми только носителями чешского языка. Иными словами, семантическая структура этих пословиц не будет соответствовать структуре пословиц в иных языках, что существенно ограничивает круг людей, способных пословицу опознать и верно соотнести её с той или иной жизненной ситуацией.

«Jo? A co Suzi Kajetánová? Víte, nejvíc mě mrzí, že mi vůbec nepíše. Když jsem se s ní v Praze loučil, zapřísahala se – ale sliby jsou chyby. Nebo se možná bojí...» (I, s. 81)

[Да? А как же Сузи Каэтанова? Знаете, больше всего меня огорчает, что она мне совсем не пишет. Когда я прощался с ней в Праге, она поклялась – но обещанного три года ждут. Или она, может быть, боится...]

Данная ПЕ представляет собой вариант чешской пословицы *Sliby – chyby* /букв. Обещания – ошибки/. Её компонентный состав расширен глаголом *být*, который обычно умалчивается. Такой вариант пословицы мы находим и в результатах лингвистического эксперимента, проведённого М. Ю. Котовой и О. С. Сергиенко. Среди 100 информантов пословицу опознало 94, что говорит о её общезнаемости и позволяет отнести её к паремиологическому ядру чешского языка (Котова, Сергиенко: с. 222). При переводе данного фрагмента главная трудность заключалась именно в передаче пословичной структуры на русский язык. Нами была использована русская параллель пословицы *Обещанного три года ждут*, однако, перекликающаяся лишь по одному стержневому слову – *обещанное* – *sliby*. Даже в близкородственном словацком приводится совершенно не похожая по образности пословица:

Sluby sa sľubujú, blázni sa radujú /букв. Обещания обещаются, дураки радуются/. Это позволяет нам сделать вывод о том, что такая устойчивая языковая единица может появиться только в речи чеха, обращённой к другому чеху. Действительно, в тексте романа эта реплика принадлежит самому Данни Смиржицкому, беседующему со своей гостьей – чешкой, приехавшей в Канаду к своему жениху американцу. Таким образом, в тексте чешская пословица помещается в такую коммуникативную ситуацию, в которой она является маркером совпадения культурно-языкового опыта адресанта и адресата: оба понимают, что Сузи Каэтанова пообещала писать, но, как это часто происходит, своего слова не сдержала. Стилистически данный языковой элемент, как нам видится, призван подчеркнуть своего рода национальное родство Данни со своей собеседницей-эмигранткой.

Противоположная ситуация происходит в тот момент, когда Данни использует в разговоре с носителем английского языка кальку с чешского.

«*„Nechme to tedy koni.“*“

„*What’s that?*“ *žasne Freddy Cohen.* „*Proč koni?*“

„*Doslova přeložený idiom,*“ *říkám.* „*Že jako mají větší hlavu, tak jsou chytřejší. Větší jsou vždycky chytřejší, což se do němčiny překládá zas jiným idiomatem. Macht geht vor Recht. Tak se pojd’me bavít o ženských.*»(II, s. 308)

[*- Оставим это коню.*

- *What’s that?* – удивился Фрэдди Коэн. – *Почему коню?*

- *Дословно переведённая идиома* – *сказал я.* – *У них голова больше, значит, они умнее. Больше всегда значит, что умнее, на немецкий это тоже переводится другой идиомой. Macht geht vor Recht. Давайте поговорим о женщинах.]*

В этом фрагменте мы видим пример того, как носитель английского языка не способен соотнести зафиксированный в чешском языке посредством пословицы *Nech to koňovi, ten má větší hlavu* /букв. Оставь это коню, у него

голова больше/ стереотип: некоторым людям стоит перестать размышлять о чём-то и оставить это кому-то, кто в этом более компетентен или опытен. Семантическая структура этого устойчивого выражения при дословном переводе для носителя другого языка как бы распалась, потеряв свой коннотативный аспект: фразеологизм, полученный путём редуцирования ПЕ, не был воспринят адресатом, и Данни пришлось объяснять, что именно он имел в виду, припоминая опущенную постпозиционную часть пословицы, таким образом актуализируя её целиком, и далее пытаюсь разобрать мотивацию её образной основы. Нам тоже не удалось найти параллелей пословицы в других языках с перекликающейся образностью. А. В. Русан замечает, что далеко не все разговоры на английском языке передаются в виде англоязычных вкраплений: «Вставки на английском языке даны для того, чтобы дать читателю осязание того, что диалог происходит на английском, и неважно, чьи реплики выражены нулевым вкраплением (то есть на чешском языке), а чьи – полным (на английском)» (Русан: 2016). Опираясь на это, мы с наибольшей вероятностью можем предположить, что в этот момент главный герой говорит по-английски, соответственно, в его англоязычной речи появляется калька с чешской ПЕ. Иными словами, здесь мы видим пример языковой интерференции. По определению американского лингвиста У. Вайнрайха языковая интерференция - это «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» (Вайнрайх: с. 22). Родной чешский язык в этом эпизоде влияет на английскую речь главного героя, вследствие чего происходит неполное переключение языкового кода. Так стилистически появление элемента пословицы в тексте вновь обозначает Данни Смиржицкого как носителя гибридной идентичности. Даже при великолепном владении английским языком, в речь героя просочился элемент родного языка, который тут же привёл к непониманию и чётко обозначил разницу между языковыми картинами мира собеседников, обнаружил оппозицию «свой –

чужой». Этот фрагмент также содержит вторую поговорку, но на немецком языке, к разговору о её функции мы вернёмся в параграфе, посвящённом поговоркам на других языках.

Помимо этих двух случаев употребления исключительно чешских ПЕ в диалогах с другими персонажами, встречается одно употребление такой поговорки и в потоке повествования. Во время телефонного разговора с неким паном Новаком, который говорит Смиржицкому, что знает его, и что он прочёл все его книги, изданные в эмиграции, главный герой внезапно понимает, что этот разговор может иметь для него очень неприятные последствия. Когда он это осознаёт и пытается как-то развить разговор в свою пользу, в тексте появляется следующая фраза:

«Pozdě, velice přičinlivě pokusil jsem se honit bycha.» (I, s. 61)

[Поздно, очень старательно я попытался догнать быха.]

В тексте актуализируется чешская поговорка *Pozdě bycha honit* /букв. Поздно «бы» догонять/, означающая то, что после того, как какое-то действие совершено, любые попытки исправить его последствия бесполезны. Поговорка появляется в виде эксплицированного трансформа, она включается в состав составного глагольного сказуемого, при этом все компоненты исходного варианта поговорки сохраняются, что обеспечивает её узнаваемость. В тексте данная ПЕ выполняет, как видится, прежде всего стилистическую функцию, добавляя большую экспрессивность в напряжённый сюжетный поворот. Актуализация поговорки в потоке повествования, как видится, сопряжена и с ироничной оценкой героем своих действий: сама ситуация, в которой оказался рассказчик, вызвала в его сознании ассоциации с конкретным языковым образом, но реализация этого образа в речи была дополнена действием, противоречащим стереотипному отношению к ситуации.

Второй и чуть менее очевидной функцией именно этой пословицы видится вновь определение конкретного адресата текста. Одним из стержневых понятий здесь является форма сослагательного наклонения глагола *být* в 1 л. ед. ч., которая в пословице субстантивируется и приобретает падежное окончание одушевлённого существительного мужского рода. То есть *bych* представляется как некое выдуманное существо, которое поздно догонять, что и составляет образную основу половицы. В этом заключается существенное отличие от предыдущего случая использования ПЕ, потому что понятие о коне имеет носитель практически любой культуры, в то время как воображаемый *bych* – непереводаемый конструкт исключительно чешского языка, что делает эту игру слов доступной для понимания лишь человеку, хорошо знакомому с чешской грамматикой.

Интересным представляется и случай употребления фрагмента ПЕ, который является частью интертекстуального элемента. Прежде чем приступить к рассмотрению его роли в тексте, дадим определение этому понятию.

В настоящее время большое количество лингвистических и литературоведческих исследований посвящено вопросу интертекстуальности, однако, универсальное определение этому термину, введённому французским теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, видится довольно проблематичным. В нашей работе мы будем придерживаться следующего определения, предложенного французской исследовательницей Н. Пьеге-Гро: «Интертекстуальность – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывается на другой текст, а интертекст – это совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того соотносится ли он с произведением (в случае аллюзии) или включается в него (как в случае цитаты)» (Пьеге-Гро: с. 48-49). Раскрывая предложенную Ж. Жаннетт типологию форм интертекстуальности, на которую опираются исследователи, Н. А. Фатеева

пишет следующее: «Архитекстуальность носит самый общий характер, это отношение текста и рода, к которому он принадлежит. Паратекстуальность включает предисловия, иллюстрации и т.д. Метатекстуальность носит отношение комментирования и выполняет критическую функцию. А собственно интертекстуальные элементы включают в себя цитаты, аллюзии, реминисценции» (Фатеева: с. 27). Именно цитата как собственно интертекстуальный элемент интересует нас в данной типологии, прежде всего, поскольку далее мы встретимся с ними ещё не раз.

В одном из эпизодов романа Данни Смиржицкий попадает в Канаде на концерт, где исполняется популярная в 1960-70-х годах чешская песня В. Матушки *Niagara*, в связи с чем в текст встраивается следующая цитата:

*“Teskně hučí Niagara,
teskně hučí do noci –
komu vašeň v srdci há-rá –
tomu není pomoci”* (I, s. 231)
*[Тоскливо шумит Ниагара,
тоскливо шумит до ночи,
у кого в сердце страсть пылает,
тому нет помощи]*

Эта цитата содержит трансформ чешской пословицы *Komu není rady, tomu není pomoci* /букв. Кому нет совета, тому нет помощи/, которая говорится в осуждение людям, которые не слушают советов и действуют по-своему. Данная пословица входит в паремиологический минимум чешского языка, и в рамках лингвистического эксперимента её верно продолжило 97 информантов из 100 (Котова, Сергиенко: 125). Аналогичная пословица встречается в словацком языке *Komu niet rady, tomu niet pomoci*, в других языках близкого по компонентному составу эквивалента нами найдено не было. В песне, как видно, ни о каком осуждении речь не идёт, однако, полностью сохраняется структурная схема „*komu...*, *tomu...*”, а также

полностью постпозиционная часть пословицы. По классификации, предложенной О.С. Сергиенко, мы имеем дело с индивидуально-авторским пословичным выражением, созданным по структурной схеме пословицы, которое приобретает обобщённость и назидательность за счёт структурной и лексической связи с общеупотребимой пословицей. Такие выражение обладают особой экспрессивно-эмоциональной функцией, обращая особое внимание на то, какой дополнительный смысл вкладывает в узнаваемую структуру его автор (Сергиенко: с. 133-134). В тексте песни происходит наложение смыслов, и данную авторскую паремию можно трактовать двояко: одержимому страстью ничего не поможет, и в то же время он должен сам отвечать за свои поступки, что вытекает из семантики нормативного варианта пословицы. Думается, Шкворецкий вводит именно эту цитату неслучайно: непосредственно после неё Данни Смиржицкий описывает то, как он пытается справиться с желанием положить руку на колено сидящей рядом с ним Маргиты Бочаровой – жены инвалида и бывшего политического заключённого, с которой они находятся в тайных отношениях. Главный герой испытывает чувство страсти, но понимает, что сейчас её лучше не проявлять, потому что он должен будет отвечать сам, если кто-то это заметит, ему не будет помощи, и он решает совладать с собой. Так авторская пословица В. Матушки соотносится с ситуацией, в которой находится главный герой, и срабатывает её дидактическая семантика.

Литературоведческий подход к изучению интертекстуальности, как отмечает Т. Ю. Аветова, предполагает анализ текста с позиции читателя, поднимает проблему процесса узнавания (Аветова: с. 67). В то же время филолог В. П. Руднев отмечает, что попадая в контекст «цитата становится залогом самовозрастания текста» (Руднев: URL). Обобщая эти два положения, можно сказать, что стилистическая функция рассматриваемой ПЕ, обнаруженной в цитате популярного чешского песенного текста, заключается в чёткой культурной атрибуции этого фрагмента. Без её

распознавания невозможно приращение смысла, дополнение портрета главного героя, и доступно это исключительно читателю, хорошо знакомому с чешской культурой.

Группа пословиц **второго** типа представлена в романе наиболее обширно. Их объединяет то, что для каждой из них можно отыскать близкие по семантической и иногда синтаксической структуре параллели в других языках, в том числе неславянских. Такие пословицы отражают общие представления носителей разных культур о тех или иных жизненных ситуациях. В тексте пословицы этого типа, так же появляются в трёх разных комбинациях субъектов коммуникации: диалог между главным героем и другим чехом («чех – чех»), диалог между главным героем и иностранцем («чех – иностранец»), поток повествования или внутренний монолог главного героя, т.е. диалог с читателем («главный герой – читатель»).

Употребление таких ПЕ в диалогах между чехами и в потоке повествования в романе встречается в равной пропорции: нами было обнаружено по 7 примеров для каждой пары участников коммуникации. Мы не будем существенно разграничивать эти коммуникативные ситуации, поскольку и рассказчик, и адресат романа – чешские эмигранты в Канаде или США, поэтому эти две пары можно приравнять друг к другу.

Нормативные варианты чешских пословиц встречаются в тексте несколько реже, нежели их трансформы. Как правило, они проявляются в тексте без семантических сдвигов и выполняют экспрессивную и оценочную функции. Так, например, в одном из торонтских эпизодов пан Сенка обращается к издательнице пани Сантнеровой. Будучи возмущённым содержанием изданной им книги, на замечание о том, что издательница не цензор, пан Сенка реагирует следующим образом:

«Cenzor nejste, ale měla byste být!» řve. „Co je moc, to je moc!» (I, s. 223)

[Вы не цензор, но Вам бы следовало им быть! – кричит он. Всему есть предел!]

Пословица вполне закономерно появляется в речи персонажа, очевидно, подчёркивая эмоциональность речи говорящего, что подкрепляется стилистически окрашенной лексемой *řvat* /орать/, добавляя выражению большей экспрессивности. В словарях и пословичных базах пословица именно в таком облике не встречается. Синонимичной и ближайшей по структуре пословицей, найденной в списке половиц Ф. Шиндлера, оказалась *Čeho je moc, toho je příliš* /букв. Чего много, того слишком/ (Schindler: s. 561). Данные национального корпуса чешского языка говорят о практически равном соотношении употребительности обеих пословиц, в двух из 28 употреблений встречается вариант *Co je moc, toho je příliš*, что позволяет говорить об отождествлении этих двух вариантов пословицы в сознании носителей. Любопытно то, что среди чешских пословиц широко распространена структурная схема «*co...*, *to...*»: *Co je napsané, to je dané. Co je pravda, to je pravda. Co je pryč, to je pryč.* и др. Вероятно, при обращении именно к схеме с подлежащими, выраженными местоимениями *co* и *to* в именительном падеже пословица приобретает ещё большую узнаваемость.

Вариант этой же пословицы встречается в тексте ещё раз. Помимо двух повествовательных пластов структуру романа составляют адресованные Данни Смиржицкому письма от его друзей. В одном из таких писем рассказывается о череде неприятностей, произошедших с их знакомой Яной Гонзловой в СССР.

«Samozřejmě, co je moc, to už je moc. Přiletěla děžurnája, Honzlovou místo na rande odvedli na KGB» (II, s. 68)

[Конечно, всему всё-таки есть предел. Примчалась дежурная, и Гонзлову вместо свидания отвели в КГБ]

Компонентный состав в данном употреблении пословицы расширяется лишь на одну лексему – усилительную частицу *už*. Семантических сдвигов, казалось бы, не происходит: автор письма таким образом выражает своё

отношение к положению своей знакомой через соотнесение с типичным представлением о том, что избыток чего-либо часто приводит к отрицательному итогу. Череда абсурдных по своей сути злоключений Гонзловой в СССР закончилась её визитом в КГБ. Перед этим заключением автор письма перечисляет все события, которые обобщаются неопределённым числительным *tos* в составе ПЕ. Так, думается, данное обращение к пословице служит для создания иронического оттенка модуса данного высказывания через конкретизацию стержневой лексемы, следовательно, и снижением степени обобщённости, характерной для семантики пословицы.

Следующий такой пример нормативного употребления пословицы мы находим в одном из размышлений Данни:

«Měl jsem euforický pocit, že všechno přežiju, i když mě líznu. A i kdyby mě pověsili – no, to ne. Zamrazilo mě. Strach má velké oči, řekl jsem si. Vždycky to můžu zahrát na blba, přesně v tradici.» (I, s. 332)

[У меня было чувство эйфории, что я всё переживу, даже если меня треснут. И даже если бы меня повесили ну, это вряд ли. Меня бросило в дрожь. «У страха глаза велики – подумал я. Я всегда могу прикинуться дурачком, точно по традиции».]

Чешская пословица *Strach má velké oči* /букв. У страха большие глаза/ отражает характерное для испуганного человека обыкновение преувеличивать, в русском языке ей соответствует параллель *У страха глаза велики*. В тексте романа Данни, обращаясь к пословице, пытается сам себя урезонить в момент определённого эмоционального напряжения, когда его воображение рисует ему слишком жестокие представления о его возможной судьбе. Здесь мы вновь, как и в случае с эмоциональной речью пана Сенки, видим обращение к нормативной пословице как к высказыванию, обладающему определённой авторитетностью для самого говорящего. Интересно, как употребление нормативного варианта пословицы встраивается в один ряд и в то же время несколько контрастирует с

экспрессивными разговорными лексемами *líznout* /ударить, треснуть/ и *blb* /дурак, болван/, что, как видится, ещё раз подчёркивает высокую степень ассоциативности пословицы как устойчивой единицы языка и её лёгкую встраиваемость в речь носителя.

Вновь для выражения особой эмоциональной реакции и личной оценки появляется нормативная пословица *Nemaluj čerta na zed'* /букв. Не рисуй чёрта на стене/. В словаре литературного чешского языка мы находим толкование „*nestraš; nepřivolávej neštěstí*“ /не пугай, не призывай неудачу/. В книге паремиолога Ф. Шиндлера «Пословицы в современном чешском языке» [Das Sprichwort im heutigen Tschechischen] 1993 годы мы находим именно эту фразу в разделе пословиц (Schindler: s. 559). Контекст актуализации данной ПЕ следующий: Данни со своими знакомыми отправился в квартиру в районе Нёйи-сюр-Сен в Париже, где герои съедают огромное количество устриц с шампанским, после чего между ним и его знакомой чешской Сильвой завязывается диалог:

«*Po půlnoci se Sylva svalila do křesla a řekla:*

„*Já sem jak samodruhá.*“

„*Třeba seš.*“

„*Nemaluj čerta na zed', čoveče. Mám za měsíc premiéru.*»(II, s. 387)

[*После полуночи Сильва рухнула в кресло и сказала:*

- *Я как будто бы беременная.*

- *Может, и так.*

- *Не каркай, друг. У меня премьера через месяц.]*

Очевидно, что сама героиня не просто отрицает предположение своего собеседника, но и в определённой степени его опасается, что и способствует проявлению в её речи общеевропейского архаичного представления о том, что потусторонние силы начинают проявляться, если высказывать нежелательное вслух (ср. нем. *Man muss den Teufel nicht an die Wand malen* /букв. Не нужно рисовать чёрта на стене/, ит. *Non tentare il diavolo* /букв. Не искушай дьявола/). Соответственно, нормативный вариант пословицы,

употребляющийся без каких-либо семантических сдвигов, служит для выражения личной негативной оценки и придаёт высказыванию большую экспрессивность.

Ряд пословиц в романе актуализируется в трансформированном виде, причём нельзя определить какой-то конкретный тип пословичных трансформаций как наиболее часто реализуемый, в тексте они представлены разнообразно. В их число входят замена образных стрежней пословиц, антонимическая замена отдельных компонентов, импликация, синтаксические трансформации, сокращение пословицы до фразеологизма, аллюзия, авторское паремийотворчество.

В упоминаемом немного ранее отрывке, предваряя описание последнего происшествия Яны Гонзловой, автор письма употребляет ещё одну пословицу, и в этот раз её актуализация происходит также на основании числа этих инцидентов:

«Nu, a do třetice všeho zlého, jak se líčila na rande s velkovévodou, spadly jí kleště na řasy do klozetu!»

[Ну, и на третий раз не повезло: когда она красилась на свидание с Великим герцогом, она уронила щипцы для ресниц в туалет!]

Общезнаемая пословица *Do třetice všeho zlého* /букв. В третий раз всё хорошо/ в контекст встраивается путём антонимической замены лексемы *dobrý* на *zlý*. В тексте происходит смысловая инверсия стереотипа о том, что после двух неудач обязательно должно случиться что-то хорошее. Это представление связано с тем, что число три само по себе фигурирует во множестве культур как сакральное и наиболее значимое в мифологических системах (Пелипенко, Цатурян: с. 169). В параллелях этой пословицы на других языках мы также видим положительное восприятие этого числа: англ. *All good things go in threes* /букв. Все хорошие вещи приходят по трое/, нем. *Die Drei ist eine heilige Zahl* /букв. Три – святое число/, рус. *Бог любит троицу*. Согласно пословичной базе данных Матти Кууси, такое

представление о тройственности является не только общеевропейским, но характерно и для восточных культур. Иначе говоря, мы сталкиваемся с глобальным и достаточно сильным культурным стереотипом, положительная коннотация которого в романе разрушается посредством трансформации, но пословица остается безошибочно узнаваемой, поскольку синтаксис ПЕ и прочие её компоненты остаются неизменными. Создаётся внутреннее противоречие, своего рода алогизм, что является одним из лексико-семантических приёмов создания комического эффекта в тексте (Цикушева: с. 95). Так мы можем прийти к выводу, что такая актуализация пословицы в контексте противоречащей ей ситуации, призвана подчеркнуть комизм, которым сопровождается весь рассказ о злоключениях Яны Гонзловой.

Несколько иного эффекта автор достигает при замене в пословице стержневой лексемы на ту, которая семантически не связана с исходной единицей. В одном из эпизодов Данни вступает в спор между своим приятелем Лойзой и господином О'Райли – супругом одной из чешских эмигранток. Лойза обвиняет дезертировавшего во время Вьетнамской войны американца в трусости. В диалоге поднимается тема страха за свою жизнь, которую Данни развивает далее:

«Ve sfěře ideové nadstavby je odíváme všemožnými ideologickými argumenty. Proč se tedy nepřiznat? Bát se o život je lidské. Rovněž je lidské se za strach stydět.» (II, s. 199)

[В сфере идейной надстройки мы одеваем их во всевозможные идеологическими аргументы. Так почему бы не признаться? Человеку свойственно бояться за жизнь. Равно как и человеку свойственно стыдиться страха.]

Говорящий прибегает к пословице *Mýlit se je lidské* /Человеку свойственно ошибаться/, которая является калькой с латинской пословицы *Errare humanum est*. Как мы видим, в тексте произошла замена стержневой лексемы *mýlit se* /ошибаться/ на глагольное словосочетание *bát se o život* /бояться за

жизнь/, продиктованная предшествующим контекстом. Более того, в следующем предложении пословица трансформируется далее, и кроме следующей замены на словосочетание *stydět se za strach* /стыдиться страха/, происходит инверсия и добавление авторского комментария в виде наречия *rovněž* /равным образом/. Все три глагола объединяет отрицательная коннотация, и их можно отнести к тематической группе «слабые стороны человека». Так на базе одной общезанемой пословицы субъекту удаётся выразить целый комплекс своих взглядов на человеческую природу, при этом подкрепляя их авторитетностью исходной паремии, что в данном случае значительно, поскольку пословица появляется в контексте спора. С одной стороны, ПЕ здесь явно подкрепляет оценочное суждение. Однако, если обратить внимание и на лексический состав речи одного из оппонентов, обнаружится целый пласт экспрессивной, вульгарной лексики и обиходно-разговорный интердиалект чешского языка: *seš posranej* /ты обделался от страха/, *posera* /трус/, *ty lumpe* /мерзавец (обращение)/ и пр. Высказывание Данни резко контрастирует с окружающим контекстом, и стилистически, и семантически: он литературным языком витиевато оправдывает трусость американца. Это противоречие создаёт иронический модус высказывания, в котором пословица теряет свою оправдательную семантику, соответственно, выступает в роли инструмента для создания дополнительной иронии.

Приведём ещё один пример гораздо более явного противоречия, в котором пословица становится не просто вспомогательным элементом для его создания, а основой. Во время лекции Данни Смиржицкий получает от своих студентов вопрос о способности быть удовлетворённым и свободным. Данни в ответ приводит довольно обширную речь о судьбе чешского народа, которую он заключает следующими словами:

«...*takže člověk bude svobodný, protože se nebude snažit být svobodný. Bude svobodný jako plaz, který se nepokouší létat, jenom se plazí, v prachu a špíně.*» (II, s. 75)

[...так что человек будет свободным, потому что он не будет стараться быть свободным. Он будет свободен, как змея, которая не пытается летать, только ползает, в пыли и грязи.]

В приведённой метафоре по стержневым лексемам *létat* /летать/ и *plazit* /ползать/ узнаётся аллюзия на пословицу *Narodil se plazit, nemůže létat* /рус. Рождённый ползать летать не может; англ. Born to crawl cannot fly/. Пословица по своей семантике соотносится с ситуацией, в которой человек хочет сделать больше, чем предполагают его возможности, он ими органичен, следовательно, несвободен. С одной стороны, пословица содержит поучение и совет смириться, с другой – скептическую оценку попытки сделать то, к чему человек не предрасположен. В тексте романа, однако, пословица проявляется крайне парадоксально в виде определительного оборота в рамках сравнения *svobodný jako plaz*. Негативная оценка говорящего развивается далее на основе образного плана пословицы компонентами *v prachu a špině*. Иными словами, через такое противопоставление смыслов в тексте создаётся оксюморон, который значительно повышает экспрессивность и помогает герою резко и иронично выразить свою позицию относительно чешского народа, у которого понятие о свободе искажено.

Любопытно, что последние два примера употребления пословиц относятся к такой коммуникативной ситуации, в которой фигурирует пара субъектов «чех - иностранец»: в первом случае адресатом является американец О'Райли, во втором – студенты профессора Смиржицкого. Как было сказано ранее, в романе реплики героев на английском языке часто никак не маркированы, и читатель может лишь косвенно определить их по контексту (некоторые герои не владеют чешским) или по отдельным англоязычным вкраплениям. В обоих рассматриваемых случаях такие реплики-маркеры были в ближайшем контексте, и обе пословицы имеют параллели в английском языке. Более того, образный план второй пословицы послужил текстообразующим элементом, поскольку одна из студенток

отреагировала следующим образом: «*But Sir! Bids DID develop from LIZARDS!*» [Но сэр! Птицы действительно развились из ящериц!]. Таким образом, можно предположить, что Шкворецкий отдаёт предпочтение интернациональным паремиям в тех случаях, когда происходит своего рода совмещение двух языковых кодов. Другая стратегия, к которой автор прибегает в случае включения паремии в иноязычный контекст – введение её в виде иноязычного вкрапления, к чему мы вернёмся далее.

Ещё один тип пословичных трансформаций, встречающийся в тексте неоднократно – редукция компонентного состава, в том числе употребление компонентов пословицы в виде фразеологизма (напр., *posldní kapka, má na srdci, nejen chlebem*). Эти компоненты пословиц встречаются в разных парах субъектов коммуникации и встраиваются в контекст в полном соответствии с семантикой всей пословицы, выступая в качестве элементов разговорного стиля.

Отдельного внимания заслуживает случай языковой интерференции в рамках одной ПЕ. В одном из костелецких эпизодов возлюбленная Данни и коллега с завода по имени Надя, будучи у него в гостях, с большим аппетитом ест пирожки. Наблюдая за этим, Данни размышляет:

«Napadlo mi, jestli i cesta k jejímu srdci nevede žaludkem, a že máme vlastně obrácené role.» (I, s. 31)

[Я подумал, не лежит ли путь к её сердцу через желудок, и что мы, собственно, поменялись ролями.]

Здесь безошибочно узнаётся общеевропейский стереотип о том, что для завоевания любви мужчины его нужно хорошо накормить. Однако, для чешского языка не характерно такое языковое воплощение этого представления в виде пословицы. В пословичной базе SprichWort-Plattform мы находим эквивалентную по значению пословицу *Láska prochází žaludkem* /букв. Любовь проходит через желудок/, что, скорее всего, является калькой с немецкого *Liebe geht durch den Magen*. Согласно национальному корпусу чешского языка, вариант с образным стержнем *láska* является

общеупотребимым, в то время как вариант со стержневыми лексемами *cesta* /дорога, путь/ и *srdce* /сердце/ практически не встречается. Поскольку пословица имеет общеевропейское распространение, мы находим её параллель в английском языке *The way to a man's heart is through his stomach* (Manser: s. 272), полностью эквивалентную русской пословице *Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*. Примечательно, что ни в семантике нормативной чешской пословицы, и в её компонентном составе не содержится никакого элемента, который бы конкретизировал пол того, через чей именно желудок проходит любовь. В английской пословице есть целых две определяющих лексемы: *man* /мужчина, человек/ и *his* /его/. Кажется, что полисемия мешает чёткому определению объекта. Несомненным является то, что в тексте романа пословица актуализируется по английской модели, о чём свидетельствует совпадение образных стержней *cesta – way, srdce – heart*, и таким образом полисемия снимается через последующий контекст: Данни и Надя как будто бы поменялись ролями в рамках этого стереотипа. Пословица здесь вступает в функции текстообразующего элемента. К тому же, здесь мы можем говорить об интерференции именно в связи с тем, что предшествующий контекст, в котором Данни угощает именно возлюбленную девушку, вызывает определённую ассоциацию и приводит к конфликту смыслов, о котором герой сразу же говорит (*obrácené role*). Чешский вариант пословицы таким коннотативным потенциалом не обладает.

2.2. Паремии на иностранных языках

Как было сказано ранее, одной из ярких стилистических черт романа является множество вкраплений на иностранных языках, что обусловлено необходимостью отразить особенности языкового окружения главного героя. Часть пословиц приводится в романе в виде иноязычных вкраплений. Кроме собственно пословиц в тексте есть ряд широкоупотребимых крылатых

выражений, которые также входят в круг языковых единиц, изучаемых паремиологией. Выводы о их роли мы также кратко сформируем.

Основная масса пословиц, появляющихся в виде собственно иноязычных вкраплений или в составе более обширных фрагментов текста не на чешском языке, представлена на латыни. В своей статье «*Poněvač hír vír in Keneda. Jazyk a jazyky v Příběhu inženýra lidských duší*» (1998) чешский лингвист П. Мареш уделяет роли латинских вкраплений в романе отдельное внимание. По его подсчётам, всего таких вкраплений около сорока, однако, пословицы и крылатые выражения составляют лишь небольшую часть от этого числа. Исследователь отмечает, что в большинстве своём латынь в романе используется в речи главного героя и маркирует отрывки, связанные с его молодостью, то есть со временем обучения в средней школе, поскольку часто цитируемые на языке оригинала выражения являются хрестоматийными. Автор также добавляет, что латинские вкрапления служат, в том числе, и в качестве элементов высокого стиля, подчёркивающих важность выражаемой мысли (Mareš, 1998: s. 514-515). Пословицы, крылатые фразы, устойчивые словосочетания и отдельные лексемы на латинском языке действительно появляются в тексте в основной своей массе в речи Данни Смиржицкого с той целью, чтобы охарактеризовать его как носителя традиции классического европейского образования. Однако, примечательным является то, как латынь включается в речь второстепенных персонажей также как маркер их образованности.

Например, впервые во всем тексте романа с латинской пословицей мы встречаемся, когда Данни цитирует эссе своей студентки Венди:

«Svým způsobem to potvrdilo platnost nápisu, jenž zdobil stránku definitivně poslední: FINIS CORONAT OPUS!» (I, s. 99)

[В некотором роде это подтвердило действительность надписи, украшавшей решительно последнюю страницу: FINIS CORONAT OPUS.]

Латинская пословица *Finis coronat opus* /букв. Конец венчает дело/ находит параллели в ряде языков: нем. *Das Ende krönt das Werk*, англ. *The end crowns the work*, чеш. *Konec korunuje dílo*, рус. *Конец – делу венец*. Несмотря на наличие параллели на английском языке, Венди, как думается, намеренно выбирает исходный латинский вариант для интеллектуализации своего письменного языка. Пословица появляется в своём нормативном виде, однако, встраивается в контекст лишь через ассоциацию со своим прямым смыслом, поскольку в переносном смысле пословица призывает не судить о ценности работы до её успешного завершения (Oxford Dictionary of Proverbs: URL). Так употребление латинского изречения служит как средство указания на определённый уровень образованность героини, однако, сразу же ставящее под сомнение глубину демонстрируемых познаний. Отчасти схожим образом половица указывает на кругозор героя и в следующем рассматриваемом эпизоде

Одним из пражских воспоминаний главного героя является допрос, где сотрудник чехословацкой службы государственной безопасности (чеш. *Státní bezpečnost, StB*) задаёт вопросы о контрреволюционных записях в блокноте Данни Смиржицкого. Герой признаётся, что записи были сделаны, когда он был пьян, на что сотрудник отвечает ему латинской пословицей.

«*Naneštěstí jsem narazil na vzácné zvíře, estébáka-vzdělance:*

„*In vino veritas.*”» (II, s. 27)

[*К несчастью, я наткнулся на редкого зверя, эстебешника-интеллектуала:*

- *In vino veritas.*]

В паремиологическом фонде чешского языка есть калька с этой пословицы *Ve víně je pravda*, однако, в речи сотрудника госбезопасности появляется латынь, что срабатывает в тексте как стилистический приём, вновь указывая на образованность персонажа. В то же время создаётся контраст между вообще всеми сотрудниками этой государственной организации (как думается, и с государством как таковым) и главным героем. Дополнительным

подтверждением тому служит то, что пословица мотивирует предшествующий контекст, в котором не отрицающий свой академический и эстетический опыт герой определяет понятие *vzdělanec* /интеллектуал/ словосочетанием *vzácné zvíře* /редкий зверь/, имеющим здесь явно отрицательную оценочность. Сама пословица актуализируется в тексте в соответствии со своим сигнификативным планом, в отличие от предыдущего случая. Более того, значение пословицы (пьяный человек обычно более откровенен) крайне остроумно обыгрывает ситуацию допроса на основании записей, сделанных в нетрезвом состоянии. Примечательно, что эта же пословица завершает воспоминания главного героя, появляясь уже в речи рассказчика. В ходе разговора ему удалось убедить сотрудника госбезопасности в том, что он делал эти не вполне сознательно.

«„Opilství není polehčující okolnost!“

Já vím. A in vino veritas.» (II, s. 28)

[- Алкоголизм – это не смягчающее обстоятельство!]

Я знаю. И in vino veritas.]

В тексте находит своё воплощение такой стилистический приём как лексический повтор. По определению А. И. Гальперина, «под лексическим повтором понимается повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний» (Гальперин: с. 258). Говоря о функциях повтора, исследователь выделяет усиления в качестве основной (Там же: с. 261). В рассматриваемом случае, как видится, происходит привлечение дополнительного внимания к сигнификативному аспекту семантики пословицы, на который во втором употреблении действительно делается акцент: Данни удалось переубедить сотрудника StB, но повтором пословицы он обращает внимание читателя на то, что записи в блокноте на самом деле соответствуют его личным убеждениям.

Помимо латинских паремий внимание привлекают ещё два случая употребления пословиц в рамках иноязычных вкраплений. В частности, речь идёт об английской и немецкой пословицах, обе они выступают в тексте в разных ролях.

Английская пословица звучит из уст носителя языка, как видится, раскрывая своим появлением национальный стереотип. В одном из канадских эпизодов главный герой становится участником авантюры, в ходе которой ему необходимо забрать рукопись у хранящего её человека. Действие разворачивается в очереди в общественном туалете. Комизм ситуации заключается в том, что в целях конспирации Данни пропускает вперёд себя британца, который при всей необходимости отказывается идти вне очереди. Разворачивается следующий диалог:

«*You, go ahead!*»

Jenže buřinka nelhala. Byl to gentleman. Britský.

“Eu neu neu! ” ohradil se. “First come, first serve”» (II, s. 157)

[- Вы, проходите вперёд!]

Только котелок не обманывал. Это был джентльмен. Британский.

- О, нет-нет! – возразил он. – Кто пришёл раньше, тот и первый.]

В данной ситуации пословица закономерно появляется на родном языке говорящего, который, проявляя вежливости в ущерб своим интересам роли авторитетного суждения, определяющего и усиливающего модальность высказывания: британец настаивает на соблюдении правила очерёдности, зафиксированного в культуре через данную ПЕ. Кроме того, пословица, как языковой элемент с высокой экспрессивностью, гиперболизирует стереотипный образ этого персонажа как представителя своей нации, дополнительно подчёркивая излишнюю вежливость в столь деликатной ситуации.

Иноязычная пословица, однако, появляется и в речи того, кто носителем этого языка не является. Этот случай употребления ПЕ уже был зафиксирован в предыдущем параграфе. Речь идёт о немецкой пословице

Macht geht vor Recht /букв. Сила выше права/, которая выступает в метаязыковой функции и используется для пояснения пословицы *Nech to koňovi, ten má větší hlavu*. Р. Якобсон, объясняя значимость этой языковой функции, как раз указывает на её необходимость в случае несовпадения языковых кодов (Якобсон: URL). Пословицы, однако, не являются знаками одной и той же ситуации: немецкая пословица соотносится с представлением об отсутствии справедливости при том, что силой можно добиться всего. В то же время чешская пословица содержит призыв не пытаться осмыслить то, для чего пока не хватает знаний и опыта. Более того, несколько абсурдным видится то, что элемент паремиологического фонда немецкого языка служит метаязыковым инструментом в англоязычном пространстве. К тому же, главный герой сразу же меняет тему, то есть предполагается, что никакой ответной реакции собеседника он, в сущности, не ожидает. Думается, немецкая пословица появляется в речи персонажа как инструмент самопрезентации через демонстрацию редких знаний, утверждения своей образованности, в некотором роде элитарности.

С той же целью, однако, более метко в речи рассказчика появляются крылатые выражения. В тексте они также цитируются на языке оригинала, например, *Elementary, my dear Watson* /Элементарно, мой дорогой Ватсон/ или *Verbleibe doch, du bist so schön!* /Остановись, мгновенье! Ты прекрасно/, а также ряд латинских изречений, не являющихся собственно пословицами. Для таких языковых элементов характерна высокая воспроизводимость и постоянство компонентного состава, что обеспечивает их узнаваемость. Однако, наличие переводов классических произведений задаёт, скорее, тенденцию к их цитированию на языке перевода. В данном же случае за счёт цитирования оригинального текста происходит повышение интеллектуальной значимости текста и появляются определённые требования к культурному опыту потенциального читателя, поскольку только при условии узнавания тех или иных устойчивых выражений реализуется их коннотативный и часто стилистический потенциал. Таким образом,

становится возможным дополнительное, более глубокое прочтение сообщения, зашифрованного при помощи именно этих языковых единиц.

Выводы к главе III

Язык романа Йозефа Шкворецкого «История инженера человеческих душ» стал отражением того жизненного и культурного опыта, который автор приобрёл и осмыслил на пути своей эмиграции.

Ярчайшей особенностью романа является его сюжетно-композиционная структура, объединяющая два повествовательных пласта и ряд эпистолярных вставок, которые создают многонациональную галерею персонажей и тесно переплетают несколько языковых кодов. Кроме того, роман автобиографичен. В отличие от Милана Кундеры, Шкворецкий уже в Чехословакии был в некоторой мере погружён в лингвокультуру страны своего изгнания, а благодаря созданию в Канаде издательства 68 Publishers, в котором автор мог издавать свои произведения на языке оригинала, перед ним не стояло задачи подготовки текста для точного перевода. Всё это в совокупности подарило автору определённую свободу выбора языковых единиц для создания портрета чешской эмиграции.

В тексте романа появляются уникальные пословицы, характерные только для чешской языковой картины мира, что является средством национальной идентификации как персонажей, так и самого адресата текста. В нескольких пословицах обнаруживается языковая интерференция, причём при намеренном её введении в речь персонажа она задаёт противопоставление «свой - чужой», что является одной из важнейших категорий в рамках вопроса о гибридной идентичности. Однако, писателю удаётся достаточно чётко разграничивать элементы разных языковых кодов, обращаясь лишь к интернациональным языковым клише в тех случаях, когда англоязычная речь передаётся в виде так называемых нулевых вкраплений, то есть при помощи средств основного языка романа.

Пословицы, употреблённые в своём нормативном виде, служат для усиления экспрессивности высказываний и часто содержат элемент оценочности. Они возникают в тексте как признак эмоциональной реакции и прямо соотнесены с ситуацией, которая зафиксирована в пословице. Трансформация пословиц практически всегда ведёт к созданию иронического подтекста, что дополняет тонкий комизм, который характерен для языка Шкворецкого в целом. Разрушение культурного стереотипа в трансформированной пословице часто вступает в противоречие с окружающим контекстом, что и создаёт в тексте иронию. Исключение составляют лишь случаи усечения пословиц до фразеологизмов, которые являются компонентами разговорной речи.

Пословицы встречаются и в рамках иноязычных вкраплений. Отдельную группу составляют латинские пословицы и ряд крылатых фраз античных авторов и цитат из классических произведений европейской литературы. Они повышают степень интеллектуальной глубины текста и всегда служат средством характеристики персонажей (в основном главного героя) с точки зрения их образованности. Кроме того, такие пословицы вновь задают определённые требования к культурному и языковому опыту потенциального читателя.

Заключение

В настоящей работе основное внимание было уделено закономерностям, которые сопровождают появление пословиц в текстах чешских авторов, вынужденно покинувших родную страну и приобретших в эмиграции гибридную национальную идентичность. На основании анализа паремий, встречающихся в двух транснациональных романах, удалось прийти к выводам, приведённым далее.

В обоих романах в достаточно сильной мере выражается то, с какой именно национальной литературой соотносит себя автор эмигрант. У Милана Кундеры и Йозефа Шкворецкого понимание своей позиции и, соответственно, места своих произведений в рамках отдельных национальных литератур значительно отличается. Кундера в целом отказывается от причисления себя к одной конкретной национальной литературе, в то время как Шкворецкий тесно связывает свою литературную и издательскую деятельность именно с чешской литературой. Также на работу с текстом в значительной степени повлияли условия издания текстов и необходимость их перевода на другие языки. Отсюда вытекает и специфика работы с романами как на уровне сюжетно-идейном, так и на уровне языковом: степень универсальности в текстовых компонентах у Кундеры на порядок выше, в то время как Шкворецкий сохраняет свободу при работе с языковыми средствами.

Перечень пословиц, обнаруженных в текстах обоих авторов, можно разделить на две группы по степени обобщённости и распространённости тех представлений, которые соотносятся с этими языковыми единицами. Это пословицы, существующие в своём своеобразии содержательной и образной структуры исключительно в сознании носителей чешского языка, и в той или иной мере совпадающие с пословицами в других языках, отражающие общеевропейский стереотип. Универсализация языковых средств у Кундеры связана во многом с тем, что в романе чешским языком описывается

французское пространство. Однако, через образы, суждения и комментарии, появляющиеся в речи повествователя, в текст просачиваются в том числе и чешские установки и ассоциации. Однако, через трансформации и авторское паремийотворчество в тексте начинают звучать и образы, которые не соотносятся с чешской языковой картиной мира, но присутствуют во французской.

В ситуации с романом Шкворецкого задача изначально другая – изображение портрета чешской эмиграции. В произведении неоднократно появляются пословицы, содержащие элементы исключительно чешского кода и не переводимые на другие языки при помощи пословиц. Однако, встречаются и случаи употребления пословиц, свидетельствующие о смешении культурных представлений не только персонажа, но, как видится, и самого автора, поскольку никакого конфликта смыслов в тексте не появляется. В романе, к тому же, через пословицу в одном из фрагментов выражается всё-таки некоторая чуждость главного персонажа языковому пространству, в котором он находится, потому что её употребление в речи вызывает непонимание собеседников. Такая нарочно введённая в текст и обыгранная оговорка раскрывает главенство родной культуры над воспринятой в эмиграции. Кроме того, текст содержит и ряд паремий, репрезентирующих европейский культурный фон и главного героя, и автора. Пословицы и крылатые выражения на языке оригинала характеризуют культурный опыт героев и задают определённые требования к опыту читателя.

Ряд функций пословиц в обоих романах выделяется в соответствии с авторским стилем в целом. Так, например, Кундера прибегает к сохранению формальной структуры пословицы, меняя её содержание, что способствует расстановке смысловых акцентов в тексте. Также для его текстов характерна метафоричность в целом, и компоненты образной основы пословиц встраиваются в текст по принципу ассоциации либо с отдельными лексемами из окружающего контекста, либо в соотнесённости со смыслом самой

пословицы. В случае Шкворецкого смысл пословиц часто вступает в противоречие с окружающим контекстом, равно как и пословичные трансформации часто приводят к разрушению культурного стереотипа. Для стиля писателя характерен ироничный взгляд на действительность, и такое разрушение автоматизма при употреблении и, следовательно, восприятии пословиц создаёт комически эффект, что становится дополняющим стилистику автора приёмом.

В ходе работы были выполнены все поставленные нами задачи. Как видится, данное исследование может получить своё развитие в рамках дальнейшего изучения стилистики писателей чешской эмиграции. Данная работа может быть расширена анализом половиц, появляющихся в более ранних произведениях авторов, что поможет дополнить представление о метаморфозах их национальной самоидентификации, проявляющейся в выборе культурно окрашенных языковых средств. Также работа может стать дополнением к стилистическим исследованиям текстов рассмотренных авторов.

Источники

1. Kundera M. Nesmrtelnost. Brno: Atlantis, 1993. – 352 s.
2. Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část druhá. Toronto: Sixty eight publishers, 1989. – 416 s.
3. Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část první. Toronto: Sixty eight publishers, 1989. – 384 s.

Список литературы

1. Banjavčić M., Erdeljac V. Višejezičnost i identitet // Journal of Humanities and Social Sciences. – 2009. – s. 7-34
2. Čermák F. Paremiological Minimum of Czech: The Corpus Evidence. In: Flut von Texten – Vielvalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität der Phraseologie, Hrsgb. H. Burger, A. Häcki Bufofer, G. Greciano-Scheider Verlag Hohengehren, 2003, 15-31.
3. Czaplincká J. Nad otázkou dvojjazyčnosti textů Milana Kundery. // Haman A., Novotný V. Hommage à Milan Kundera. Praha, 2009. – s. 9-16
4. Gourevitch P., Skvorecky J. An Interview with Josef Skvorecky // Columbia: A Journal of Literature and Art. – 1991. – №16. – s. 88-102
5. Granbom-Herranen L. Is a Proverb Always a Proverb? In: 3rd Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, ACTAS ICP09 Proceedings. Tavira: IAP-AIP, p. 215–221.
6. Grygar M. Proměny spisovatele v exilu. // Listy. – 1988. – №3. – s. 93-101
7. Hrisztova-Gotthardt H., Varga M.A. Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. De Gruyter Open, 2015. – 383 p.
8. Janiec A., Nyitrai Z. Vrhát dvojitý stín: Středoevropanství jako osud v románech Milana Kundery. Esztergom, 2017. – 258 s.
9. Kniazkova V. S., Kotova M. Yu. The transfer of imagos in translation of nationally oriented and transnational texts (as seen in the novels of Czech, Slovak and Russian writers) // Bohemistyka 2021, № 1. P. 47-66.

10. Le Grand E. M. Kundera aneb Paměť touhy. Olomouc: Votobia, 1998. – 204 s.
11. Mareš P. „Also: Nazdar!“ Aspekty textové vícejazyčnosti. Praha: Univerzita Karlova v Praze - Nakladatelství Karolinum, 2003. – 233 s.
12. Mareš P. Poněvač hír vír in Keneda. Jazyk a jazyky v Příběhu inženýra lidských duší // Česká literatura. – 1998. – №5. – s. 498-517
13. Mertins B. Osvojování druhého jazyka. [электронный ресурс] // Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: <https://www.czechency.org/slovník/OSVOJOV%C3%81N%C3%8D%20DRUH%C3%89HO%20JAZYKA#bibitem18> (дата обращения 21.03.2021)
14. Minařová E. Stylistika češtiny. Brno: Masaryková univerzita, 2009. – 83 s.
15. Mukařovský J. Přísloví jako součást kontextu// Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971. – s. 277 – 359
16. Nebeská I. Jazyk. Norma. Spisovnost. Univerzita Karlova v Praze. Praha, Nakladatelství Karolinum, 2003.
17. Pilař M. Kundera, Milan: Nesmrtelnost // Slovník české prózy. – 1994.
18. Pilař M., Kudlová K. Milan Kundera [электронный ресурс] // Slovník české literatury po roce 1945. – 2008. URL: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=1265&hl=kundera+> (дата обращения 18.12.2020)
19. Popovičová S. Česká a srbská frazeologie: Na cestě ke dvojjazyčnému frazeologickému slovníku. Praha: Karolinum, 2020. – 208 s.
20. Richterová S. Místo domova. Brno: Host, 2004. – 230 s.
21. Salivarová Z., Škvorecký J. Samožerbu. Panorama Praha, 1991. – 360 s.
22. Sanders I. Mr. Kundera, the European // The Wilson Quarterly. – 1991. – №2. – p. 102-109
23. Škvorecký J. Nataša, pícníci a jiné eseje. Literární akademie, 2006. – 158 s.
24. Sováková J. Tradice groteskního realismu v románu M. Kundery “Nesmrtelnost” // STEPHANOS. – 2020. – №3 (41). – s. 48-53

25. Špirit M. Josef Škvorecký [электронный ресурс] // Slovník české literatury po roce 1945. – 2013 URL: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=439&hl=%C5%A1kvoreck%C3%BD+> (дата обращения 18.03.2021)
26. Svoboda R. Škvorecký, Josef: Příběh inženýra lidských duší // Slovník české prózy, 1994
27. Schindler F. Sociolingvistické, paremiologické a paremiografické výsledky empirického výzkumu znalosti přísloví (Na základě anket 316 informátorů z Čech a Moravy) // Slovo a slovesnost. – 1996. – №4, – s. 264-282
28. Trost P. Střídání kódů // Slovo a slovesnost. – 1976. – №1. – s. 1-3
29. Абакумова О. Б. Пословица в художественном тексте и когнитивно-дискурсивная модель ее актуализации // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – №1. – с. 122-128
30. Аветова Т. Ю. Роль интертекстуальности в создании художественного образа на материале романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб.: Образование, 1993. – с. 67-76
31. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
32. Артюшкова А. Е., Халезова Л. В. Гибридная идентичность и особенности литературного конфликта в мультикультурном англоязычном романе XX-XXI века. // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодежью. – 2020. – № 1. – С. 360-365.
33. Болдырева А.Н. Чешская идентичность и транснациональный роман Либуше Мониковой «Die Fassade» [электронный ресурс] // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2017. – №3-4 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cheshskaya-identichnost-i-transnatsionalnyu-roman-libushe-monikovoy-die-fassade> (дата обращения: 25.05.2020)

34. Бродский И.А. Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому. – 1985 [электронный ресурс] URL: <https://pub.wikireading.ru/53770> (дата обращения 03.12.2020)
35. Будучев В.А. Транснациональность национальной идентичности: чужой и свой вне национальных границ // Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. под общ. ред. В.П. Степанова, С.М. Губаненковой. – 2019. – с. 5-10
36. Бутенко Е.Ю. Базовые единицы лингвокультурологии// Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) – 2008. – №2. – с. 321-328.
37. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. // пер. с английского языка и комментарии Ю. А. Жлутенко. Киев: Вища школа, 1979. – 264 с.
38. Ветрюк К.А. Паремии в логико-семиотическом и коммуникативном аспектах// Аспирант. Докторант. Гуманитарно-социальные исследования – Орёл, 2011. – №2. [электронный ресурс] URL: http://ksenia-vetruk.narod.ru/index/spisok_publicacij/0-37 (дата обращения 28.05.2020)
39. Ветрюк К.А. Пословицы в дискурсе [электронный ресурс] // Вестник Орловского государственного университета – Орёл, 2013. – №3. URL: http://ksenia-vetruk.narod.ru/index/spisok_publicacij/0-37 (дата обращения 26.05.2020)
40. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка – М.: Либроком, 2010. – 336 с.
41. Еременко Е. Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2012. №6, с. 130-140
42. Жигарина Е. Е. Современное бытование пословиц. Вариантность и полуфункциональность текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 20 с.

43. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
44. Князькова В. С., Котова М. Ю. Языковые средства передачи чешской и словацкой идентичностей в тексте транснационального романа и его переводе// Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы международной научной конференции. Ноябрь 2018. М.: МГУ, 2019.
45. Котова М. Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии. СПб., 2010. – 170 с.
46. Котова М. Ю. О типологии транснационального романа славянских авторов// XLV Международная филологическая конференция. Тезисы докладов. СПб., 2016. – с. 456-457
47. Котова М. Ю., Сергиенко О. С. Тетради паремиографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / Под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2013. – 278 с.
48. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1 – С. 90-106.
49. Кундера М. Литературное изгнание по Вере Линггартовой// Встреча. СПб.: Азбука, 2014. – 192 с.
50. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – №2. – с. 256-272
51. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. М., 2004. – 208 с.
52. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) [электронный ресурс] // МИРС. 2010а. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paremiologiya-lingvisticheskie-aspekty> (дата обращения: 23.05.2020).
53. Наймушина Т.А. Пословицы и поговорки в художественном тексте. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Л., 1984. – 209 с.

54. Ошаева Е. Паремиологическое пространство: дискуссионные вопросы. // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 20003. – №1. – с. 75-88
55. Пелипенко Л. М., Цатурян М. М. Образно-символические характеристики числительных one, two, three (один, два, три) в английской и русской лингвокультурах// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 5. – с. 166-170
56. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. – 236 с.
57. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. М.: «Наука», 1970. - 240 с.
58. Писарская Т. Р., Якименко Н. Е. К определению понятия установки культуры в лингвокультурологии (на материале паремий)// Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко. 28-30 сентября 2016. Екатеринбург, 2016. – с. 573-577
59. Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература// Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – №2. – с. 45-48.
60. Рубинс М.О. Литература в контексте транснациональной теории// XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11—16 марта 2013 г.: Избранные труды. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 368 с.
61. Русан А. В. Английские вкрапления в романе Йозефа Шкворецкого «Příběh inženýra lidských duší» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-1. – с. 128-130
62. Русан А. В. Смешение и переключение кодов речи чешских эмигрантов. // Филологические науки. – 2016. – №6. – с. 56-60
63. Сабитова З. К. Лингвокультурология: учебник. М., 2013. – 524 с.
64. Савенкова Л.Б. Паремия в художественных текстах разных жанров. Марина Цветаева [электронный ресурс] // Творчество и коммуникативный

процесс. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/kritika/savenkova-paremiya-v-hudozhestvennyh-tekstah.htm>

65. Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / А.Г. Бодрова, Е.Е. Бразговская, В.С. Князькова, М.Ю. Котова и др.; отв. ред. М.Ю. Котова. СПб., 2014. – 142 с.

66. Сергиенко О.С. Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц. – СПб., 2015. – 296 с.

67. Сергиенко О.С. Роль пословичных трансформов в формировании языковой картины мира// *Premie národů slovanských V.* – Ostrava: Ostravská univerzita, 2010. – s. 141-149

68. Тарараева О. Н. Типы преобразований словацких, чешских и английских пословиц в Интернет-пространстве. ВКР магистра филологии. СПб.: СПбГУ, 2016 (научный руководитель — М. Ю. Котова).

69. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1998. – с. 25-38

70. Цикушева И. В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – №10. – с. 92-95.

71. Чугунов Д. А. Мультикультурность и «встречные течения» в авторском сознании: к постановке проблемы. // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №3. – с. 114-118

72. Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М: Индрик, 2014. – 272 с.

73. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [электронный ресурс] // *Philology.ru* – русский филологический портал URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (дата обращения 10.05.2021)

Пословичные базы

1. The Matti Kuusi international type system and database of proverbs. [электронный ресурс] URL: <https://www.mattikuusiproverbtypology.fi/proverb-types/>
2. SprichWort-Plattform. [электронный ресурс] URL: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort-Plattform>

Словари

1. Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. Praha, 1997. – 316 s.
2. Čelakovský F L. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha, 1949
3. Manser, M. The Wordsworth dictionary of proverbs. Wordsworth Editions, 2006. – 656 p.
4. Speake J. Oxford Dictionary of Proverbs (6 ed.) [электронный ресурс] // Oxford University Press, 2015 URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198734901.001.0001/acref-9780198734901>
5. Strauss E. Dictionary of European Proverbs, 1994 [электронный ресурс] URL: <https://www.questia.com/library/108392909/dictionary-of-european-proverbs>
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. СПб., 1996
7. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 310 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010б. – 1024 с.